

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ЮНЦ РАН)**

Научный журнал **КАЗАКОВЕДЕНИЕ** (16+)

Сетевое издание

**Том 1, №1
2025**

ISSN – (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционный совет:

Баранов Андрей Владимирович д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель,
генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к. соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь), (Ростов-на-Дону)

Утвержден к печати Ученым советом ЮНЦ РАН

Сетевое издание «Научный журнал Казакоеведение»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru

Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

© ЮНЦ РАН, 2025

**FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
"FEDERAL RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES" (SSC RAS)**

Scientific journal KAZAKOVEDENIE (16+)

Online Media

**Volume 1, Issue 1
2025**

ISSN - (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Council:

- Baranov Andrej Vladimirovich, D.Sc. (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, D.Sc. (History), editor-in-chief (Rostov-on-Don, Russia) Volvenko
Aleksiej Aleksandrovich, Cand. Sc. (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, Cand. Sc. (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, D.Sc. (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, Cand. Sc. (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, D.Sc. (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, Cand. Sc. (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, D.Sc. (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, D.Sc. (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, D.Sc. (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Ol'ga Vladimirovna, D.Sc. (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, D.Sc. (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, D.Sc. (History), D.Sc. (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, D.Sc. (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, D.Sc. (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, D.Sc. (Philosophy), Cand. Sc. (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, assistant editor (Rostov-on-Don, Russia)

Address: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006; mail: kazak@ssc-ras.ru

URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

УДК 930

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(АНАЛИЗ ОПЫТА ДОНСКИХ КАЗАКОВЕДОВ)**

© 2025 г. Скорик А.П.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова (г. Новочеркасск, Россия)

В статье с историографических позиций предпринимается попытка рассмотреть одну из форм публичного профессионального диалога историков-казаковедов и определить степень её содержательного влияния на актуальную исследовательскую практику. На конкретных примерах опыта общения донских казаковедов научный семинар предстаёт в качестве многозначного дополнительного историографического источника в казаковедении, выступает в форме проблемно-исследовательской площадки, используется как инструмент живого, академического профессионального диалога учёных, становится ареной публичных историографических дискуссий по казаковедческой тематике.

Ключевые слова: дискуссия, исследования, историки, казаковедение, научные перспективы, точки зрения.

UDC 930

**SCIENTIFIC SEMINAR AS A HISTORIOGRAPHICAL SOURCE
(ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE DON COSSACKS)**

Skorik A.P.

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)(Novocherkassk, Russia)

Abstract. The article, from a historiographical position, attempts to consider one of the forms of public professional dialogue among Cossack historians and determine the degree of its substantive influence on current research practice. Using specific examples of the experience of communication between Don Cossack scholars, the scientific seminar appears as a multi-valued additional historiographical source in Cossack studies, acts in the form of a problem-based research platform, is used as a tool for lively, academic professional dialogue between scientists, and becomes an arena for public historiographical discussions on Cossack topics.

Keywords: discussion, research, historians, Cossack studies, scientific perspectives, points of view.

Если исходить с той точки зрения, что исследовательские работы историков могут быть представлены в любой приемлемой для восприятия научным сообществом форме и отталкиваться от квалифицирующего обозначенные работы критерия о содержании в них существенной информации об истории исторической науки, то круг историографических источников окажется достаточно широк, и в него вполне можно включать научные семинары, которые, казалось бы, при обобщённом статусном сопоставлении проигрывают научным конференциям и научным чтениям, гораздо более привычным в историческом профессиональном сообществе источникам историографических фактов. Однако, на наш взгляд, научные семинары по консолидирующей коллег проблематике несут в пространство исторического творчества отнюдь не менее значимые историографические факты, ибо на них также происходит должное осмысление/переосмысление истори-

ческих источников заинтересованными исследователями, позиционируется новая субъективная оценка исторических фактов, или более детально излагается лично ориентированная позиция по ранее публично поставленной докладчиком научной проблеме, или же по совершенно новому дискурсу.

При традиционной трактовке научного семинара он вполне правомерно рассматривается в научном сообществе историков в качестве одной из довольно эффективных форм повышения профессиональной квалификации, но если учитывать иные отграничивающие критерии понятия, то не менее значимым содержательным параметром выступает наличная возможность ознакомления с исследовательскими работами коллег-историков в авторской их интерпретации, и это самое обстоятельство позволяет прояснить для собравшейся аудитории немало интереснейших нюансов, которые далеко не всегда удаётся обнаружить, скажем, при чтении стандартной научной статьи по вызывающей интерес теме. Научный семинар, в отличие от устоявшихся в научном сообществе историков коллаборационных практик традиционной научной конференции, в большей мере нацелен на обсуждение, ибо количество рассматриваемых работ существенно ограничено обычно двумя-тремя проектами, причём, их последующее обсуждение имеет три эталонные характеристики: *во-первых*, оно происходит в публичной форме; *во-вторых*, как правило, организаторы стремятся собрать коллектив заинтересованных лиц, прежде всего, профессиональных историков; *в-третьих*, научный семинар по определению предполагает дискуссию по рабочей версии презентуемого проекта, некое предварительное обсуждение. Здесь ключевым критерием выступает научная информация, находящаяся в центре обсуждения на научном семинаре, потому что от неё зависит эффективность мероприятия и итоговые компетенции участников, начиная с докладчика (докладчиков), поскольку в процессе подготовки к научному семинару всегда неизбежно происходит приращение знания, и заканчивая рядовыми участниками семинара, научный багаж которых может быть пополнен, прежде всего, новыми знаниями, а поскольку речь идёт о семинаре не менее значимо знакомство с авторской траекторией научного поиска и методами (творческой лабораторией) его осуществления, и, наконец, для научного семинара присуща оптимизация взаимодействия между частью участников по поводу реализации отдельных научных проектов и целевых программ исследования как грантового, так и инициативного характера.

Статусный научный семинар предполагает наличие четырёх акторов исторического творчества: автор или авторы (докладчики и содокладчики); организатор или организаторы (модераторы или сомодераторы); участники (собравшаяся научная аудитория); историограф(ы), причём, каждый из четырёх вышеназванных субъектов выполняет свою знаковую научно-организационную функцию, когда автор или авторы (докладчики) задают базисные параметры предстоящей дискуссии и распределяют научную информацию в смысловых рамках самостоятельно избранного плана-проспекта изложения материала; организаторы (модераторы) определяют общий вектор обсуждения при разработке повестки научного семинара и обеспечивают надлежащий состав научной аудитории; участники дискуссии (собравшаяся научная аудитория) ведут предметный разговор на заданную тему, помогают докладчику прояснить свою научную позицию и своим активным участием создают искомый историографический факт; историограф(ы), образно говоря, ставят точку, или же запятую при фиксации (описании) состоявшегося научного семинара

как историографического источника. В качестве примера для анализа обратимся к практике проведения Донского казаковедческого научного семинара, который нами рассматривается в качестве актуального историографического источника по казаковедческой проблематике.

Первое заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южно-федерального университета (ЮФУ) состоялось в г. Ростове-на-Дону 21 мая 2021 г., и в состав его организационного комитета входили: Наталья Валерьевна Дмитриева – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и международных отношений ЮФУ по научной работе; Артем Юрьевич Перетятыко – кандидат исторических наук, преподаватель Лицея ЮФУ; Дмитрий Владимирович Сень – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений ЮФУ. Этот межрегиональный научный семинар проходил в смешанном формате (очное участие дополнялось подключением группы иногородних учёных по видеоконференцсвязи), благодаря чему выступили: доктор исторических наук, профессор исторического факультета Запорожского национального университета (г. Запорожье, Украина) Владимир Иванович Мильчев с докладом «Проекты российской монархии XVIII в. по реформированию Войска Запорожского Низового» и кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Ростовского государственного экономического университета (г. Таганрог, Россия) Алексей Александрович Волвенко с докладом «Казачья военная служба и её эволюция в позднеимперский период (1835–1917 гг.): историографический аспект».

Профессор В.И. Мильчев представил собравшимся на основе изученных им материалов из архивных собраний Российской Федерации и Украины анализ действий российских властей, начиная от царя Петра I и до императрицы Екатерины II включительно, предметно раскрывающий предпринимавшиеся попытки реформирования Войска Запорожского Низового (ВЗН). В результате украинскому исследователю удалось обобщить и детально описать совокупность разновременных планов и проектов по реформированию и даже возможной ликвидации ВЗН, которые исходили от конкретных представителей имперских властей, реконструировать порядок предпринятых конкретных действий российских управленцев по унификации устройства ВЗН и по взятию Сечи под правительственный контроль.

Установление полной политико-административной зависимости ВЗН от имперского центра достигалось: *во-первых*, за счёт распространения практики обязательного отбывания воинской службы ВЗН во время войн, которые вела Российская империя; *во-вторых*, ограничения свободного притока населения из внутренних областей России на Запорожье; *в-третьих*, включения территории Вольностей Запорожских в систему пограничного и таможенного контроля Российского государства. Естественная реакция запорожского казачества на подобные управленческие новации принимала характер как открытых антиправительственных выступлений, так и латентного (пассивного) саботирования воплощения законодательных инициатив имперского центра. Разрешение «запорожской» проблемы в течение периода 1750-х – 1760-х гг. конкретизировалось отдельными проектами высшего военного командования и гражданской администрации в лице киевского генерал-губернатора Михаила Ивановича Леонтьева (его проект запорожского самоуправления положили в столичном Санкт-Петербурге под сукно), генерал-губернатора Малороссии Петра Александровича Румянцева (провёл генеральную опись Малороссии,

получившей наименование Румянцевской, организовал выборы депутатов Уложенной комиссии, следил за составлением наказов и правил эти тексты) и командующего поселёнными войсками (ландмилицией) Украинской линии Карла Фёдоровича фон Штоффельна (проект реформирования устройства Запорожья), представлявшимися на рассмотрение императрицам. Именно такие проекты легли в основу принятия управленческого решения по ликвидации Войска Запорожского Низового в 1775 г.

Таганрогский учёный А.А. Волвенко в своём докладе подчеркнул, что в многочисленных трудах по истории казачества военная тематика, безусловно, является доминирующей. В них разбираются вопросы участия казаков в войнах, отдельных сражениях, операциях, походах и пр. Раскрытие же различных аспектов организации казачьей военной службы, форм и методов допризывной подготовки и мобилизации казаков, в таких работах, как правило, имеет подчинённый, косвенный характер. Тем не менее, существуют отдельные исследования, в которых упомянутые аспекты являются главной целью изучения или же представлены в более детализированном виде.

В докладе рассматривались основные достижения дореволюционной историографии и делался вывод о том, что подавляющее большинство авторов досоветского периода, освещавших историю казачества и его службу Российскому государству являлись военными специалистами – действующими или находящимися в отставке (запасе) офицерами, чиновниками Военного министерства, войсковых администраций и пр. Как правило, они имели казачье происхождение, следовали позитивистской традиции в своём историописании, предпочитая историко-статистические исследования с привлечением богатого архивного материала. Намечавшаяся в начале XX в. тенденция прихода в казачью историографию «гражданских» авторов в полной мере реализовалась в советский и современный период. Осуществлённые советскими историками редкие описания конкретных проявлений казачьей службы второй половины XIX – начала XX вв. не внесли в её картину ничего принципиально нового по сравнению с достижениями дореволюционной историографии.

Современные российские историки, гораздо менее подверженные идеологическим веяниям, но достаточно живо реагирующие на запросы возрождающегося казачества, актуализировали изучение многогранной военной службы казаков. После краткого обзора результативности современной историографии в докладе отдельно разбирались авторские труды А.В. Ганина, А.Ю. Перетясько и А.Ю. Соколова, а также делался вывод о зарубежном взгляде на эволюцию казачьей военной службы позднеимперского периода.

В историографическом плане доклад профессора В.И. Мильчева подчёркивает существенную взаимосвязь исторического факта и его теоретического осмысления, содержащегося эмпирического знания в историческом факте и параметров имперского порядка, поднимает в избранном предметном локусе проблему социальной обусловленности, характерную для определённой совокупности историографических фактов. Мы видим последовательную логическую цепочку: от факта-события к факту-знанию и далее переход к факту-альтернативе. А вот доклад доцента А.А. Волвенко с историографических позиций можно оценивать, как попытку поставить исследование исторических фактов на научную почву, ибо существующие стандартные описания воинской службы в литературе он подаёт в качестве

историографической тенденции, вектор развития которой постепенно выводит нас на интересные и уникальные исторические детали, подчёркивающие удивительную многогранность военной службы казаков.

Второе заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в г. Ростове-на-Дону 24 июня 2021 г. в таком же смешанном формате, и на нём выступили: доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия) Елена Викторовна Годовова с докладом «Адаптация женщин-мусульманок в казачьем обществе как исследовательская проблема (на примере Оренбургского казачьего войска)» и доктор искусствоведения, профессор Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова (г. Ростов-на-Дону, Россия) Татьяна Семёновна Рудиченко с докладом «Гендерный фактор в традиционной культуре донских казаков».

Исследование адаптации женщин-мусульманок и попадания их в казачий социум, по мнению, Е.В. Годовой, следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, казаки приводили с собой мусульманок в качестве «трофея» и делали своими жёнами, обращая в православие. Во-вторых, казаки-мусульмане вместе с семьями входили в состав казачьего войска и переселялись на его территорию. В составе Оренбургского казачьего войска в середине XIX в. насчитывалось 48 поселений татар-казаков. Архивные и историко-этнографические материалы свидетельствуют о сохранении в повседневной жизни казачками-мусульманками этноидентичности, причём как в быту, во внешнем виде, так и в психологическом восприятии. Исследование материалов Оренбургского магометанского духовного собрания свидетельствует, что, начиная с середины XIX в. повышается правосознание казачек-мусульманок, и они, в случае измен мужей, побоев, публичных оскорблений начинают отстаивать свои права в суде.

В докладе Т.С. Рудиченко определялись аспекты изучения культуры донских казаков с позиции гендерного подхода (стратификация общины, институты социализации, традиционные занятия; гендерные роли и поведенческие стереотипы). Выделялись сущностные характеристики, такие как специфическое преломление основополагающей социокультурной оппозиции мужское/женское во внешнем и внутреннем быту; маскулинная доминанта в формировании традиционной культуры и системных отношений её компонентов, обнаруживающая параллели в культуре других народов. Прослеживалась дифференциация мужских и женских ролей, статусов, их историческая динамика в соотношении с возрастной стратификацией общины. На конкретных примерах показывалось как в маскулинно ориентированной культуре в определённых социально-исторических условиях происходит перераспределение функций и замещение ролей.

Модераторами на втором заседании Донского казаковедческого научного семинара, как и на первом, выступили: доктор исторических наук Д.В. Сень и кандидат исторических наук А.Ю. Перетятко. Сочетание опыта и молодости вносило свой шарм в научную дискуссию.

Оба доклада на втором заседании продемонстрировали ограниченность вариативности женского гендерного дисплея в десекулярном обществе. Но профессор Е.В. Годовова сосредоточилась на гендерных интерпретациях антропологии межэтнического казачьего брака на примере Оренбургского казачьего войска, а профессор Т.С. Рудиченко обратилась к практике применения концепции гендер-

ного режима к социуму переходного типа, в качестве которого ею рассматривались сообщества донских казаков. В историографическом плане в обоих случаях речь идёт о тенденции научной реконструкции гендерных ролей на территории «дома» и анализе гендерных стереотипов в казачьей среде.

Третье заседание Донского казаковедческого научного семинара прошло в этнопарке «Кумжа» (расположен на улице Кумженская, 1-Ж, г. Ростов-на-Дону) 1 октября 2021 г. в таком же смешанном формате (очном и в режиме удалённого доступа), и на нём выступили: кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Краснодар, Россия) Андрей Викторович Дюкарев с докладом «Основные направления и результаты генеалогических исследований кубанского казачества (1990-е гг. – 2020 г.)» и доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) Николай Александрович Мининков с докладом «Дон на картах XVII–XVIII вв.: от искусства к основам научной картографии». Модераторами третьего заседания являлись доктор исторических наук Д.В. Сень и кандидат исторических наук А.Ю. Перетяцько. В состав организационного комитета межрегионального научного семинара на его третьем заседании вошёл кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой специальных исторических дисциплин, методики преподавания истории и обществознания Института истории и международных отношений ЮФУ Евгений Владимирович Шандулин.

Независимый исследователь А.В. Дюкарев в своём выступлении подчеркнул, что генеалогические исследования кубанского казачества в период 1990-х гг. – 2020 г. ориентировались как на теоретические вопросы региональной и этносоциальной генеалогии, так и на практические сюжеты казачьей семейной истории. Докладчик затронул проблемы формирования источниковой базы генеалогических исследований казачьего социума и особенности обозначенной группы исторических источников, соотношение и взаимосвязь классической генеалогии и генеалогических исследований, направленных на изучение локальных региональных групп казачества. В практической плоскости им была осуществлена историческая реконструкция генеалогических древ казачьих родов: Бурсаков, Кухаренко, Щербины, Науменко и других фамилий, принадлежащих к социальной элите Кубанского казачьего войска, а также он реставрировал семейные истории рядового казачества. Тем самым, удалось отработать общую когнитивную схему презентации казачьих генеалогий в историко-культурном контексте формирования кубанского казачества, исходные основания которой были представлены автором в его кандидатской диссертации на материалах родословной атамана В.Г. Науменко. Казачьи генеалогии, по мнению А.В. Дюкарева, отражают не только взаимодействие, но и взаимообусловленность различных сфер жизни в историческом прошлом, актуальном настоящем и грядущем. Они, с одной стороны, сами по себе выступают результатом исторического исследования, с другой стороны, позволяют выявить мотивы большинства поступков и описать действия исторических личностей, а это открывает увлекательные перспективы развития генеалогии российского казачества.

По мнению профессора Н.А. Мининкова, одним из репрезентативных визуализированных источников по истории донского казачества XVII–XVIII вв. являются артефакты западноевропейской и русской картографии. На многочисленных

картах представлена территория Земли донских казаков, что позволяет судить не только о реальных масштабах расселения, но и ряде других идентифицирующих параметров социальной группы. Как правило, исследователю приходится иметь дело с общими картами Московского государства или картами отдельных частей России из атласов XVIII в. Картографы, начиная с XVII в., активно наносили казачьи поселения, свидетельствующие о социокультурной динамике развития казачьей общности. Изначально карты в известном смысле представляли собой произведения искусства, в которых лишь со временем всё более и более заметным атрибутом становился научно-справочный аппарат. К нему, в частности, относились указание на масштабы карт, позволявшие определять расстояния, скажем, между казачьими населёнными пунктами, прорисовка градусной сетки, увеличивавшей точность геопозиционирования искомым объектов, а также всё более высокая точность отображения различных географических элементов. Региональные топографические особенности местности детально фиксируются в атласе реки Дон вице-адмирала Корнелиуса Ивановича Крюйса, названном «Атлас реки Дон Крюйса или Прилежное описание реки Дон или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Чёрного моря», датированном 1704 г. и весьма примечательном, в частности, тем, что в гидрографических съёмках для создания этого атласа непосредственное участие принимал царь Пётр I, и артефакт сохранил персонифицированное посвящение царевичу Алексею Петровичу. На карте 1786 г. особо выделены рубежи земель Войска Донского, когда оно исторически ещё сохраняло относительную политико-административную самостоятельность. В качестве исторического источника карты способны представлять разнообразную историческую информацию, к примеру, они позволяют установить, насколько было известно о положении дел на Дону в странах Западной Европы и в России. Картографические артефакты содержат также общие сведения о степени заселённости Земли Войска Донского, с указанием конкретных данных о расположении казачьих городков, например, в том же вышеназванном атласе Корнелиуса Крюйса.

Казалось бы, два обозначенных доклада, прозвучавшие на третьем заседании Донского казаковедческого научного семинара, тематически вовсе никак не связаны, но они, по сути, отражают общую историографическую тенденцию значительного расширения источниковой базы исследований по истории российского казачества за счёт привлечения разнообразных материалов и документов, которые традиционно являются предметом изучения специальных исторических дисциплин. Оба докладчика тяготеют как раз к осмыслению названной категории исторических источников, и каждый в своём научном локусе уже преуспел, поэтому с удовольствием делился с коллегами наработанными историческими материалами.

Четвёртое заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 31 марта 2022 г. в таком же смешанном формате (с очным присутствием и в режиме удалённого доступа), и на нём выступили: доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону) Виталий Александрович Бондарев с докладом «Политика Советского государства в отношении казачества Юга России в 1920-е – 1930-е гг.: тенденции и проблемы современной историографии» и кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоград-

ского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград) Ольга Владимировна Рвачёва.

Как отметил в своём докладе В.А. Бондарев, в истории российского казачества советский период выступает одним из наиболее сложных и драматичных, наполненных грандиозными, переломными и, зачастую, трагическими событиями. Если в советской научной литературе, подчинённой политико-идеологическим запретам, значительное количество острых вопросов казачьей истории XX в. были табуированы, то в постсоветской историографии именно эти самые вопросы выступили первоочередными объектами исследования. В центре внимания учёных оказались политические акции и кампании коммунистического режима в отношении казачьих сообществ, проводившиеся в 1920-е – 1930-е гг. – наиболее коллизийный период советской истории.

В настоящее время в исследовании ранесоветских десятилетий казачьей истории достигнуты существенные результаты, в частности, проведён развёрнутый анализ кампании «лицом к деревне» («лицом к казачеству»), например, в успешно защищённой докторской диссертации Т.В. Панковой-Козочкиной [1], проблематики «расказачивания», антиказачьих мероприятий в рамках коллективизации и раскулачивания, голода 1932–1933 гг. в казачьих районах и станицах, а также комплекса проказацких мер, традиционно именуемого кампанией «за советское казачество», освещённой в докторской диссертации А.П. Скорика [2]. Тем не менее, на этом направлении исследований сохраняется ряд лакун и проблем. В частности, недостаточно подробно изучен процесс отказа большевиков от политики «лицом к казачеству», масштабы и результаты антиказачьих акций на рубеже 1920-х – 1930-х гг., динамика соотношения анти- и просоветских настроений в станицах в отмеченный период времени. Одной из наиболее острых проблем постсоветской историографии является сохраняющаяся политизация советского этапа истории, в результате которой политика коммунистического режима в отношении казаков и взаимоотношения казачества и советской власти в ряде публикаций трактуются упрощённо и однобоко. Всё это актуализирует задачу дальнейшего углублённого и объективного осмысления советского этапа казачьей истории, что детально обосновывается в ряде научных статей [3, с. 569–584; 4, с. 219–236].

В своём докладе О.В. Рвачёва констатировала, что с конца 1920-х гг. на Юге России ОГПУ регулярно выявляло казачьи контрреволюционные повстанческие организации. Ряд таких организаций имел внушительные размеры и значительный территориальный охват. Однако ни одна из них не проявила реальной политической активности. Документы из архивов УФСБ по Ростовской и Волгоградской областям позволяют критически оценить реальность существования таких организаций, наличие протестных настроений в казачьей среде, приблизившись к пониманию политических и социальных реалий в казачьих районах в период социалистической модернизации. Для докладчика выступление на Донском казаковедческом научном семинаре стало одним из вариантов апробации подготовленной докторской диссертации [5], которую она успешно защитила в Кубанском государственном университете 23 декабря 2022 г.

Историографическая значимость заслушанных на семинаре двух докладов заключается в концентрации внимания на истории казачества советского периода, причём, на временном отрезке пока ещё недостаточно изученном, где необходимо обоснованно расставить акценты, а не называть обобщённо 1920-е –

1930-е гг. эпохой сплошного рассказывания, как это делают отдельные авторы [6]. По мере приближения к рубежу 1920-х – 1930-х гг. потребность критического анализа исторических источников нарастает, а, соответственно, дополнительного внимания для проверки на предмет репрезентативности требуют также историографические факты. Но, самое главное, важно преодолеть негативную историографическую тенденцию, по односторонней оценке, указанного исторического периода 1920-х – 1930-х в целом, и непременно понять, что два десятилетия советской истории при всей их общности существенно отличаются для истории казачества.

Пятое заседание Донского казачковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 29 июня 2022 г. в ставшем традиционным смешанном формате, и на нём выступили: доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) Дмитрий Владимирович Сень с докладом «Научные реконструкции биографии С.Т. Разина: достижения, проблемы, перспективы» и доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал ТИУ в г. Нижневартовске) Виктор Яковлевич Мауль с докладом «Измена» полковника И.Н. Дзиньковского: эпизод из истории Разинского восстания». Новшеством этого заседания Донского казачковедческого научного семинара стало указание ссылки в программе семинара на авторский профиль в Научной электронной библиотеке (РИНЦе).

В докладе Д.В. Сеня последовательно раскрывались многочисленные научные реконструкции биографии Степана Тимофеевича Разина, созданные отечественными историками разных поколений. Докладчик проанализировал методы и подходы, которыми руководствовались историки, в том числе, советские исследователи, основательно выявлявшие и интерпретировавшие соответствующую источниковую базу. По мнению Дмитрия Владимировича, критическая верификация подобных научных реконструкций является необходимой и своевременной, и она может считаться самостоятельной актуальной проблемой источниковедения Разинского выступления. Как последовательно доказывал профессор Д.В. Сень, существенный недостаток исторических источников о жизни С.Т. Разина не мешал многим советским историкам создавать идеологически ангажированные (героизированные) реконструкции его биографии. А вот реальное приращение научного знания о биографии С.Т. Разина возможно не только за счёт ввода в научный оборот новых источников, оно может быть также достигнуто путём системных наблюдений за формированием научных представлений об источниковой основе биографии известного атамана и подходами/методами её авторской интерпретации. Развёрнутое изложение исследовательских взглядов Д.В. Сеня на представленную научную проблему даётся в авторской статье, опубликованной в журнале «Славяноведение» [7, с. 67–81].

Как правомерно отметил в своём докладе В.Я. Мауль, история Разинского восстания многократно становилась объектом внимания исторической науки. В дореволюционной, советской, постсоветской и зарубежной историографии с большими или меньшими подробностями были изучены общий событийный ряд и отдельные частные сюжеты этой большой научной проблемы. В оборот введено и даже опубликовано огромное количество источников различной типо-видовой принадлежности, ставших прочным фундаментом продуктивных научных изысканий. Тем не менее, считает В.Я. Мауль, стоит согласиться с мнением историка Д.В. Сеня: гово-

речь о том, что «тема закрыта», конечно же, не приходится. Более того, сведения о многих страницах и персонажах «Разинщины» требуют принципиального пересмотра, и такая работа уже началась, в чём заключается примечательная историографическая тенденция.

В частности, настало время по-новому осмыслить повстанческое движение в различных городах Белгородской черты, поскольку, по признанию историков, к осени 1670 г. Слободская Украина, вслед за Средним Поволжьем, стала вторым очагом Разинского восстания. В этой связи в докладе был предположен микроисторический анализ хорошо известных событий, происходивших в восставшем Острогожске в сентябре того же, 1670 г. Методологически докладчик исходил из понимания микроистории не как разглядывания мелочей, а рассмотрения прошлого в подробностях, поэтому и поставил перед собой задачу предложить иную, чем прежде, оценку действий полковника острогожских черкас Ивана Николаевича Дзиньковского, переход которого на сторону разинцев породил недоумение историков и, как следствие, множество историографических версий. Причинно-следственные связи здесь можно искать, во-первых, в противоречиях между малороссийской казачьей старшиной и московскими представителями, ведь Дзиньковский командовал слободскими черкасами в Острогожске, но местную администрацию возглавлял московский воевода, и такое двоевластие не могло не сказаться на развитии ситуации. Во-вторых, нельзя исключить индивидуальные каналы связи Дзиньковского со Степаном Разиным. Есть и другие примечательные детали, а в развёрнутом виде точка зрения В.Я. Мауля на данный исторический сюжет излагается в его авторской статье [8, с. 167–172].

В целом же, судьба видных участников Разинского восстания, включая самого предводителя С.Т. Разина, весьма печальна, скажем, того же И.Н. Дзиньковского расстреляли, затем конечности трупа отрубили наполовину, а сам труп повесили; его жене Евдокии отсекли голову, четверых их детей пожизненно выслали в Сибирь. Однако не такие жестокие детали оказались в центре внимания двух докладчиков, ведь они искали лично ориентированную логику в жизнедеятельности исторических личностей, составивших военную оппозицию усиливавшейся абсолютной монархии московских царей. Оба выступавших исследователя предприняли достаточно успешную попытку применить принцип альтернативности к изучению исторического процесса, в чём заключается достойная поддержки историографическая тенденция.

Шестое заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 21 декабря 2022 г. в смешанном формате, и на нём выступили: доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург) Степан Викторович Джунджузов с докладом «Административно-политические механизмы имперского управления ставропольскими крещёными калмыками в XVIII – первой трети XIX вв.» и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань) Рустем Равилевич Аминов с докладом «Формирование поселенческой сети тюрков-казаков Оренбургского казачьего войска в 1735–1917 гг.». В состав организационного комитета межрегионального научного семинара на шестом заседании вместо Е.В. Шандулина вошёл кандидат исторических наук, доцент

Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) Максим Евгеньевич Шалак.

Выбор административно-политических путей и способов имперского управления крещёными калмыками в XVIII – первой половине XIX вв., как правомерно заявил в своём выступлении С.В. Джунджузов, определялся целенаправленной государственной политикой хозяйственной колонизации территории Среднего, Нижнего Поволжья и Южного Урала. Продвижение здесь российских интересов осложнялось противодействием со стороны Калмыцкого ханства. Прочную основу для распространения российского влияния правительство полагало обеспечить посредством крещения калмыцкой элиты. Первым, самым знатным крещёным нойоном («князем»), стал внук хана Аюки (1-го хана Калмыцкого ханства), крестник Петра I, Пётр Тайшин. Когда стало очевидным, что наиболее влиятельным претендентом на ханский престол, способным привести калмыков к согласию, является приверженец буддизма Дондук-Омбо, российские власти решили отступить от своих собственных первоначальных замыслов и вывели крещёных калмыков из Волжского ханства. Поселённые на Средней Волге крещёные калмыки составили особую этническую группу – ставропольских калмыков. На начальном этапе (1736–1744) их поселение имело монархическую форму правления и организационно-правовое устройство, копировавшее государственные порядки Калмыцкого ханства. Переходу ко второму этапу (1745–1803) предшествовало пресечение династии Тайшиных и передача Ставропольского поселения в ведение оренбургского губернатора. Поселение преобразуется в иррегулярное войско с коллегиальным правлением. Реформы последнего периода существования Ставропольского калмыцкого войска (1803–1842) были направлены на регламентацию исполнения калмыками военной повинности и комплектование тысячного полка. Однако, реализация «Положения о Ставропольском калмыцком Войске», принятого в 1803 г. без учёта реальных людских и материальных ресурсов, а также в сложных условиях, наличествующих противоречий между военной и гражданской администрациями региона, негативно сказывалась на развитии Ставропольского калмыцкого войска. В итоге 24 мая 1842 г. последовал указ российского императора Николая I о его упразднении, ознаменовавший отказ имперских властей от проводившейся политики выстраивания специализированных административных структур, ориентированных на крещёных калмыков. Всех калмыков в количестве 1743 человек (3336 душ обоего пола) зачислили в Оренбургское казачье войско и перевели для поселения на новую Оренбургскую линию между Орской и Троицкой крепостями.

Свой доклад Р.Р. Аминов посвятил формированию в рамках четырёх временных этапов сети населённых пунктов тюрков-казачьих Оренбургского казачьего войска. Для первого докантонного этапа (1735–1798 гг.) характерно отсутствие моноэтнических поселений в среде татар-мусульман, когда изначально тюрки, исповедующие ислам, оказались в одних и тех же поселениях вместе с православными казаками, что способствовало быстрой адаптации татар-мусульман к иноязычной среде и культуре. На втором этапе (1798–1840 гг.), с введением кантонной системы управления в 1798 г. (наподобие казачьих округов с усилением власти национальной знати) и обострением проблемы защиты фронтальной зоны от кочевого населения, власти решили причислить в состав войска каргалинских татар. В итоге создавалась первая моноконфессиональная административная единица тюрков-казачьих, преимущественно из татар, а впоследствии их

перевели в соседнее Башкиро-Мещерякское войско. Для третьего этапа (1840–1865 гг.) становятся привычными миграционные процессы, вызванные утверждением нового «Положения об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г., а также началом строительства Новолинейного района. В начале 1840-х гг. поселенческая сеть крещёных тюрков – казаков-нагайбаков – определялась тремя территориальными группами: оренбургско-орской, верхнеуральской и троицкой (названия соответствуют тем уездам Оренбургской губернии, где оказалась каждая из трёх групп). Северную группу казаков-нагайбаков в количестве 500 душ переселили в Троицкий уезд в станицу Верхнеуевельская (Варламово), посёлки Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. При переселении нагайбаки представляли собой этническую общность (их самоназвание нагайбаки-бакалы произошло от топонима станицы Бакалинской, откуда они прибыли), которая, однако, была подвержена влиянию со стороны русских. Южная группа нагайбаков обосновалась в посёлке Нежинка, станице Гирьяльской, деревне Алабайтал Оренбургского уезда, посёлке Подгорный и станице Ильинской Орского уезда; их переселение обуславливалось военно-пограничной стратегией в пространстве между Оренбургом и Орском. Нагайбаки южной группы испытывали влияние со стороны православных и мусульманских миссионеров. Центральная группа (Верхнеуральский уезд) долгое время находилась в изоляции от других народов, поэтому не только сохранила, но и укрепила свою этническую идентичность. Эта группа нагайбаков основала пять посёлков: Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия. Четвёртый этап (1865–1917 гг.) ознаменован административной трансформацией Орской станицы в уездный город и возникновением неподалеку от городской черты обособленного хутора, населённого татарами-казаками. В начале XX в., в связи с переизбытком населения в ряде наиболее крупных поселений, на дополнительные наделы во втором военном отделе переселяется незначительная группа тюрков-казаков и расширяет, тем самым, ареал своего расселения на землях Оренбургского казачьего войска.

Таким образом, оба доклада, прозвучавших на шестом заседании Донского казаковедческого научного семинара отражают тенденцию к обоснованию этно-конфессионального разнообразия российского казачества в современной историографии. Причём, если крещёные калмыки составили отдельное Ставропольское казачье войско, то в случае с крещёными тюрками дисперсная этничность приобретает различные формы вплоть до возврата к прежним верованиям. Тем самым, Оренбургское казачье войско объединило массу этнокультурных групп, изучение истории которых заметно добавит мультикультурных красок в палитру народов России.

Седьмое заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 23 марта 2023 г. в смешанном формате и оказалось единственным форумом вышеназванного исследовательского объединения за весь 2023 год. На этом заседании выступили: кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) Евгений Николаевич Трефилов с докладом «Взаимоотношения казаков-повстанцев с русскими простолюдинами во время народных движений XVIII в.» и доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) Николай Александрович Мининков с докладом «Старое

поле», «регулярство» и «блаженные памяти» защитник казачества: ценности в движениях донских казаков XVIII в.». В состав организационного комитета межрегионального научного семинара вместо Н.В. Дмитриевой тогда же вошла кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) Оксана Олеговна Завьялова, а также вторым модератором вместе с Д.В. Сенем становится М.Е. Шалак.

Как подчеркнул в своём выступлении Е.Н. Трефилов, застрельщиками большинства крупнейших народных движений в России XVII–XVIII вв. были казаки. При этом до настоящего времени остаётся пока недостаточно изученной проблема взаимоотношений казаков-повстанцев с русскими простолюдинами, присоединявшимися к этим движениям. Разброс мнений в историографии на этот счёт весьма широк: на одном полюсе фиксируется традиционная точка зрения о едином фронте казаков с крестьянами и другими простолюдинами, вместе выступавшими против угнетателей, а на другом полюсе понимания позиционируется мнение о нещадной эксплуатации казаками русских простолюдинов и использовании их лишь в качестве «пушечного мяса». На исторических материалах восстания под предводительством К.А. Булавина (1707–1708 гг.) и восстания под предводительством Е.И. Пугачёва (1773–1774 гг.) автор доклада убедительно показывает, в какой степени различные мнения, ранее высказанные в историографии, подкреплялись данными исторических источников, а в какой степени они являются лишь умозрительными конструкциями. Также в своём выступлении Е.Н. Трефилов поставил вопрос, который пока редко волнует историков, но, по мнению докладчика, имеет очень важное значение для избранной темы: в какой мере религиозные и этнические представления казаков влияли на их отношение к русским простолюдинам?!

Для современного исторического исследования, по мнению профессора Н.А. Мининкова, характерна теоретическая опора на ценностный подход, имеющий методологическое значение для анализа конкретных явлений и процессов прошлого. Выстроенный в обозначенной системе координат научный анализ позволяет исследователю выявить наличие наиболее значимой общественной ценности и алгоритм её реализации в определённых исторических условиях, а в качестве такой генерализующей ценности для донских казаков выступала справедливость. Она находила своё воплощение в отношении к старине, признававшейся соответствовавшей справедливости, и в настороженности к новизне, изначально воспринимавшейся как нарушение справедливости, но со временем новшество становилось новой традицией, уже отвечавшей казачьим представлениям о той же справедливости. Всё это прослеживается в ходе изменений, которое переживало донское казачество в период перехода от вольности и самостоятельности во времена Московского государства к статусу служилого сословия Российской империи.

Донское казачество постоянно вело борьбу за справедливость в отношениях с российскими властями. Оно отстаивало традиции «старого поля» в период Булавинского восстания, упорно противостояло угрозам обращения в «регулярство» во второй половине XVIII в., боролось за справедливость и соблюдение традиций казачьей старины при организации переселений на Кавказскую линию. Ценностный подход к изучению истории донского казачества позволяет более полно, глубоко и конкретно выявить представления самого казачьего сообщества о новых условиях

жизни, отношение его к ним, восприятия им перемен при соотнесении их со своим представлением о справедливости как об общественной ценности.

Таким образом, на седьмом заседании Донского казакведческого научного семинара генерализующей обсуждаемой историографической проблемой стал поиск наиболее адекватных социальной реальности подходов к анализу народных движений, выяснения причинно-следственных связей в историческом процессе, захватывавшем жизнедеятельность российского казачества, оценок его общественной роли в отношениях с другими субъектами исторического действия. На этом историческом фоне выделялись известные казачьи (народные) лидеры из числа донских казаков, увлекавшие своей харизмой огромные массы людей на достижение социально значимых целей и совершавших знаковые поступки, которые и сегодня являются предметом исследовательского внимания историков, в результате чего формируются различные историографические традиции, в свою очередь подвергающиеся последующей интерпретации специалистов.

Восьмое заседание Донского казакведческого научного семинара на базе Южного федерального университета прошло в Ростове-на-Дону через год, 20 марта 2024 г. в ставшем традиционным, смешанном формате, и на нём выступили: кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе и проектной деятельности Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ «РИНХ» Алексей Александрович Волвенко с докладом «Александр Львович Потапов (1818–1886). Жандарм в атаманском мундире» и кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ), сертифицированный лектор Российского общества «Знание», член Экспертного совета по формированию и развитию Электронной библиотеки казачества на платформе Национальной электронной библиотеки Андрей Викторович Дюкарев с докладом «Сюжеты казачьей генеалогии как пример служения государству: кубанский род Бурсаков».

Александр Львович Потапов, отметил в своём докладе А.А. Волвенко, являлся войсковым (наказным) атаманом войска Донского три года, с 1865 г. по 1868 г., и здесь же он получил, наряду с должностью, чин генерал-лейтенанта вместе с правами генерал-губернатора и командующего войсками военного округа. До того, как попасть на Донскую землю, А.Л. Потапов приобрёл разнообразный административный опыт, в том числе, в начале 1860-х гг., когда возглавлял III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Первоначально Александр Львович находился в казачьем крае в качестве помощника при войсковом наказном атамане П.Х. Граббе, будучи направленным императором Александром II на Дон для ревизии положения бывших крепостных крестьян. После отставки П.Х. Граббе уже в качестве единоличного местного управленца, А.Л. Потапов думал и действовал в духе проводимых в империи «Великих реформ». Последовательный сторонник частной собственности на землю, Александр Львович считал возможным распространить практически все общеимперские реформы 1860-х гг. на Донской край. Однако «клеймо жандарма» и последовательного сторонника самодержавия предопределили предвзятое отношение к А.Л. Потапову, как в либеральной публицистике, так и в «левой» литературе, а затем это уже отразилось в соответствующих историографических оценках, скажем, его имя не вошло в известное издание «Донцы XIX века». В докладе А.А. Волвенко удалось рассмотреть различные сюжеты из истории атаманства А.Л. Потапова, расширяющие тради-

ционные представления о его личности и результатах деятельности. Так, находясь ещё в Петербурге, Александр Львович проявил личную инициативу и подал записку в Управление иррегулярных войск, где усомнился в успешной разработке проекта земской реформы для Земли войска Донского в Главном комитете, а потому «полагал бы учредить в Новочеркасске особый комитет для составления положения о земских учреждениях в Донском войске». Более того, составитель записки предложил приблизительный социальный состав будущего комитета, основу которого должны были представлять выборные депутаты от сословий, причём, по мнению А.Л. Потапова, требовалось обязательное участие в деятельности названного особого комитета эксперта из Министерства внутренних дел, хорошо знакомого с установлениями «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», Высочайше утверждённого 1 января 1864 г. В Военном министерстве предложение А.Л. Потапова одобрили, уже в июне 1866 г. такой комитет создали, и он более чем на две трети состоял из избранных депутатов от всех сословий края, за исключением иногородних. Тем самым, оказались удовлетворены пожелания не только А.Л. Потапова, но и социальные экспектации донского дворянства. За тем, чтобы результаты работы комитета соответствовали ожиданиям Военного министерства, атаман следил лично, ибо являлся его председателем. Так, например, в ходе обсуждения проекта программы занятий особого комитета А.Л. Потапов не допустил её изменения, на чём жёстко настаивали трое депутатов, представляющих мелкопоместное дворянство и казачье торговое сословие, предлагая внести такие поправки, которые подразумевали использование принципа «земство только для казачества». Примечательно, что двоих оппозиционеров при поддержке Военного министерства удалили из состава комитета. В целом же, комитет, проработав по август 1867 г. и подготовив 7 проектов, составивших основу земской реформы, причём, в трёх из них предусматривалось создание городов и городской курии. Согласно проектам, принцип всесословности участия в деятельности земских учреждений, в отбывании повинностей, в том числе денежных, оказался реализован практически полностью. Сложный вопрос взыскания земских денежных повинностей со станичных обществ решался следующим образом: сбор земского налога должен был производиться не лично с каждого жителя станицы, а из общественных станичных доходов. Всего предполагалось избрать 264 гласных в окружные земские собрания и 44 гласных в войсковое собрание, при этом большинство гласных приходилось на долю землевладельцев – 122, от казачьих станиц намечалось 73 представителя, от крестьянских обществ и городской курии соответственно 39 и 20. Идею земских нововведений «похоронил» войсковой наказной атаман, генерал-лейтенант М.И. Чертков рапортом от 31 августа 1870 г. в Военное министерство. Но А.Л. Потапов разработал проект учреждения войскового училища в Новочеркасске, реализованный при названном выше его преемнике.

Покидая Донскую землю, бывший наказной атаман посчитал своим долгом составить подробный доклад на высочайшее имя о проделанной работе. Впоследствии опубликованный, доклад представляет собой интересный документ, содержащий вдумчивый анализ пореформенного развития Земли войска Донского, поскольку в нём даётся оценка результатов проведённых преобразований и впервые не только указывается проблема финансового обеспечения реформ, но и намечаются пути её решения. Так, согласно мнению А.Л. Потапова: «Применение проектированных преобразований требует расхода, покрытие которого, при настоящих

денежных средствах войска невозможно». В связи с этим, ближайшая главная задача войсковой администрации состоит в том, чтобы «привести войсковой капитал в равновесие, через открытие нового постоянного источника доходов». Самый оптимальный из возможных вариантов решения этой проблемы Александр Львович видел в предоставлении Земле войска Донского концессии, но внешнеполитические обстоятельства (фактическая изоляция Российской империи как плачевный итог Крымской войны) делали обозначенный вариант весьма спорным. Выход из положения А.Л. Потапов находил в постройке железной дороги в направлении от станции Аксайской до города Ростова-на-Дону на средства Воронежско-Ростовского железнодорожного общества и в передаче существующей в Земле войска Донского Грушевско-Аксайской железной дороги в распоряжение строителя Я.С. Полякова по взаимному договору с Войском. В случае, если войсковой администрации удастся найти дополнительные источники финансирования и ликвидировать бюджетный дефицит, то планируемые социальные преобразования, по мнению А.Л. Потапова, следовало бы провести в такой последовательности: реформа войскового правления (устранение выборного начала в комплектовании чиновного состава этого органа), судебная и военная реформы, земская реформа и образование городов. Александр II внимательно ознакомился с докладом А.Л. Потапова, о чём свидетельствуют пометки на полях документа. Вовсе не случайно награждение Александра Львовича орденом Белого Орла 5 марта 1868 г. при его отставке с должности войскового наказного атамана.

Второй докладчик на восьмом заседании Донского казакведческого научного семинара Андрей Викторович Дюкарев обозначил начало подъёма в развитии генеалогии, в том числе региональной, в 1990-е гг., интерес к которой не угасает и по сей день. Это относится как к родословным поискам простых граждан, так и к профессиональным исследованиям историков. В рамках развития генеалогии кубанского казачества объектами исследования для А.В. Дюкарева становятся видные казачьи роды, сыгравшие заметную роль в истории Кубани и Кубанского казачьего войска [9]. Представленный доклад посвящался старейшему казачьему роду Бурсаков, берущему своё начало в легендарной Запорожской Сечи и заканчивающему исторический путь в смутные революционные годы. На примере кубанского рода Бурсаков, по мнению Андрея Викторовича, вполне репрезентативно прослеживается эволюция южнорусского казачества, когда, казалось бы, достаточно прочно впитавшиеся в его самобытную культуру изначальные запорожские традиции вольнолюбия, непокорности сменяются идеей служения Российскому государству и строгой воинской дисциплиной. Сюжеты казачьей генеалогии кубанского рода Бурсаков детально раскрывают самоотверженное служение нескольких поколений на благо Отечества, начиная с Фёдора Яковлевича Бурсака, войскового атамана Черноморского казачьего войска в 1799–1816 гг.

Таким образом, оба доклада, представленные на восьмом заседании Донского казакведческого научного семинара, с историографической точки зрения, укладываются в жанр исторической биографии, но имеют различный контекст. Если раскрытие деталей жизненного пути А.Л. Потапова помогает нам понять особенности осуществления «великих реформ» российского императора Александра II на Дону, функционирования управленческого механизма той исторической эпохи, вероятностные альтернативы развития Земли войска Донского в середине и во второй половине XIX в., то обращение к истории кубанского рода Бурсаков вводит в круг

целой совокупности вопросов эволюции Черномории, её запорожских истоков и образования Кубанского казачьего войска.

Для подведения промежуточных итогов и оценки работы Донского казаковедческого научного семинара воспользуемся материалами авторского доклада «О перспективах Донского казаковедческого научного семинара: «ДКНС сегодня: от идеи – к концепции», представленного 1 апреля 2004 г. в видеоформате (co)модератором ДКНС, доктором исторических наук, профессором Института истории и международных отношений ЮФУ Д.В. Сенем и разосланного в виде Интернет-ссылки [10] участникам семинара, при использовании которой можно прослушать выступление. Краткими тезисами это не сопровождалось, в отличие от традиционной практики подготовки заседаний семинара, когда заранее рассылались аннотации предлагаемых докладов, чем мы и воспользовались при подготовке настоящей статьи, рассматривая программы ДКНС в качестве историографического источника, в дополнение к своим собственным впечатлениям, ибо принимали участие во всех без исключения восьми заседаниях.

В конце марта 2024 г. создан видеоканал ДКНС (Межрегиональный научный семинар «Донской казаковедческий научный семинар» | Дзен (dzen.ru), на котором представлены материалы семинара, и где планируется не только размещать видеозаписи будущих заседаний, но и попытаться наладить научный диалог. В принципе Донской казаковедческий научный семинар задумывался для реализации идеи по созданию аудиовизуального историографического источника. Истоки научного семинара связаны с проведением 2 ноября 2020 г. памятного круглого стола, посвящённого 450-летию служения донских казаков Российскому государству «Казачество в истории России XVIII – начала XX в.: новые сюжеты, подходы и методы изучения» в формате Zoom на площадке Южного Федерального университета, где был представлен доклад заместителя директора по научной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), доцента кафедры истории, кандидата исторических наук А.А. Волвенко ««Новые» казачьи войска в правительственных проектах и чиновничьих записках 1860-х годов» и состоялась авторская презентация актуального фундаментального документального исторического исследования А.Ю. Перетятыко «Цена крови: документы 1860–1890 гг. об эффективности казачества как экономического института», опубликованного в 3-х томах в течение 2019–2020 гг. Всего тогда на круглом столе заслушали 7 докладов, а в дискуссии участвовало 23 историка.

По мнению (co)модератора ДКНС, доктора исторических наук, профессора Института истории и международных отношений ЮФУ Д.В. Сеня в докладах на традиционных конференциях в тени зачастую остаются контексты исторических исследований: как научная идея появилась, как автор искал пути её достижения, какие особенности работы с историческими источниками возникали и т.п. Тем самым, далеко не всегда видна творческая лаборатория учёного, которая, безусловно, является предметом для изучения историографии, а для неё важны рефлексии историков по поводу того, почему и зачем они занимаются теми или иными темами, как исследуемые проблемы появляются в их научном багаже, как они выбираются, что побуждает профессионалов-историков, или наоборот препятствует занятию теми или иными довольно интересными историческими сюжетами, и что не менее существенно, как сами исследователи оценивают свои собственные штудии.

Поднимаемые на прошедших заседаниях Донского казакведческого научного семинара проблемы исследовательской лаборатории имеют важное значение не только для историков-казакведов, но и для многих других профессиональных исторических сообществ, поскольку в научных текстах (докладах на конференциях, научных статьях, монографиях и пр.) автор виден далеко не всегда, и, с историографической точки зрения, понимание злободневной научной проблемы должно содержать, помимо авторского текста, актуальный интеллектуальный образ его создателя. С другой стороны, должен ли контекстуально в текстах обязательно «присутствовать» сам его автор?! Конечно, нет! Это идеальная ситуация. Прежде всего, историк непременно должен написать и представить качественный текст, верифицированный, с репрезентативными источниками, с обоснованной постановкой проблемы, в общем, завершённый текст, и здесь трудно не согласиться с Д.В. Сенем в оценке «долгов» историка перед профессиональным сообществом. Однако отсутствие самого историка в тексте заметно обедняет его содержание в субъективном плане, чего можно добиться при публичном выступлении, и с этих позиций хороший научный семинар предоставляет возможности для широкого обсуждения отдельных исторических сюжетов. Именно такие возможности возникают на Донском казакведческом научном семинаре, где модераторами выступали Д.В. Сень, А.Ю. Перетятко и М.Е. Шалак. Здесь у авторов (докладчиков) есть 40–45 минут для выступления, а затем следует получасовое обсуждение. Участники семинара могут задавать уточняющие вопросы по предложенной теме, формулировать проблемные ситуации, которые возникают в рамках обсуждения доклада, а также интересоваться тем, почему, как и зачем была избрана докладчиком данная тема, почему именно в таком разрезе. Это также позволяет оттенить, в частности, новизну Донского казакведческого научного семинара, когда звучащее публичное выступление выходит за рамки авторского текста, а личность историка предстаёт более динамично, гораздо реалистичнее, нежели в письменной речи. Живое общение в течение не менее чем получаса времени даёт очень многое: уточнение научных позиций, активный диалог порой не с очень удобными вопросами, позволяющими не только докладчику мобилизоваться, защищать свой научный проект перед профессиональной аудиторией, обосновывать свою точку зрения, но и скорректировать планы дальнейших исследований. Причём, авторы заранее предупреждаются о ведении аудиовидеозаписи, естественно, с соблюдением правил научной этики, и такой подход вполне себя оправдывает в качестве способа создания нового историографического источника, который имеет перспективы для профессионального сообщества.

Донской казакведческий научный семинар позиционируется его модераторами (организаторами) как проблемно-исследовательская площадка, где обсуждаются итоги авторских научных поисков и апробируются ещё не завершённые исследования с подведением промежуточных результатов, и в таком случае живое общение выступает дополнительной возможностью для внесения необходимых коррективов, совершения каких-то важных разворотов и нахождения новых ниш изучения исследуемых учёными исторических сюжетов. Допускается также выступление с изложением авторской гипотезы по той или иной актуальной казакведческой проблеме и вероятностью получить соответствующий пул вопросов и, может быть, каких-то сомнений, причём, исключительно в дружеской профессиональной обстановке. С учётом возможностей созданного видеоканала, с марта

2024 г. формируется хорошая база для проведения широких историографических дискуссий, когда в информационное поле вводятся авторские видеосюжеты, аудиовидеозаписи заседаний самого Донского казакведческого научного семинара, обращения модераторов семинара, что непременно позволит увеличить количество публичных историографических дискуссий в целом по казакведческой проблематике и по отдельным темам, чего пока явно не хватает, и более того, сложилась угасающая динамика в профессиональном общении историков-казакведов по целому ряду актуальных тем исследования. Здесь многое зависит от степени эффективности функционирования центров казакведения, которые в состоянии моделировать полезные историографические дискуссии, и к их числу, на наш взгляд, можно отнести, помимо Института истории и международных отношений ЮФУ, удачно выступившего с инициативой проведения периодических заседаний Донского казакведческого научного семинара, лабораторию казачества Южного научного центра РАН, кафедру истории России Кубанского государственного университета, НИИ истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова и др. Вполне очевидно, что перетягивать одеяло на себя в условиях (как это не печально звучит!) определённой количественной ограниченности специалистов в области исторического казакведения не стоит, важно объединять усилия и не заикливаться на каких-то одних формах или видах профессионального общения, скажем, те же научные семинары можно проводить в разных вариациях. Но с другой стороны ДКНС очевидно прогрессирует и сохраняется как действующая научная площадка, которую надо эффективно использовать, ибо она уже оформилась за трёхлетний период её существования как тематический, плановый научно-исследовательский проект Института истории и международных отношений ЮФУ при поддержке многих учёных-историков, проживающих на Дону, работающих не только в Южном федеральном университете. Активными участниками ДКНС являются, помимо донских историков-казакведов, исследователи казачьей проблематики из других российских регионов, включая и столичные центры, что указывает на открытые двери для продолжения научных дискуссий в рамках ДКНС, не ограничиваясь только историей донского казачества. На этой научной площадке всегда рады также представителям других (восточных) государств, причём, специалистам самого широкого профиля и историко-географической исследовательской локации (уральское, сибирское, терское и другие казачьи сообщества). С точки зрения периодизации здесь нет ограничений: рассматриваются исследования с дореволюционной хронологией, научные проекты с советской и постсоветской проблематикой, хотя, безусловно, формулировки докладов традиционно авторами согласовываются с модераторами в рамках концепции ДКНС. Также участники ДКНС учитывают исторически прежние геополитические расклады, где казачество выступало далеко не последним актором исторических процессов, а отсюда следует обращение специалистов к истории Крымского ханства, Речи Посполитой, Османской империи и выявление многообразных характеристик казачества как уникального исторического явления, постоянно развивавшегося, имевшего не только свою военизированную культуру мужского сообщества, но и политическую культуру, достаточную для ведения пограничной дипломатии, для понимания системы международных отношений.

Наличие центров публичных дискуссий для историков-казаковедов, **во-первых**, позволяет обратить внимание на ряд научных проблем, интерес к которым стал угасать, скажем, по мнению доктора исторических наук, профессора Института истории и международных отношений ЮФУ Д.В. Сеня, в качестве таких проблем можно обозначить историю народных движений, развитие потестарных структур казачества, типологию казачьих сообществ, демографические процессы; **во-вторых**, инициативно и по-деловому поддержать те направления, где наблюдается всплеск научного интереса, к примеру, реформирование казачьих войск во второй половине XIX – начале XX вв.; **в-третьих**, стимулировать многих историков-казаковедов к изучению теоретико-методологических сюжетов, к примеру, хорошие перспективы имеет использование, по мнению Д.В. Сеня, историко-компаративистского подхода (метода) в изучении разных казачьих регионов и анализа однотипных процессов в пространстве одной хронологии, связанных с историей казачества, к чему мы бы добавили историческое моделирование (реконструкцию), и этот смысловой ряд теоретико-методологических подходов можно наращивать; **в-четвёртых**, даёт возможность продолжить изучение общего и отличительного, повторяющегося и уникального в истории каждого казачьего региона, причём, в этом плане Донской казаковедческий научный семинар как один из центров публичных дискуссий демонстрирует замечательные возможности выхода за смысловые рамки исключительно донской проблематики; **в-пятых**, позволяет развивать постоянный, живой, академический, профессиональный диалог в организационно-методических рамках многих научных семинаров, непременно включая и традиционные заседания Донского казаковедческого научного семинара.

Воздавая по заслугам должное организаторам (модераторам) Донского казаковедческого научного семинара и руководствуясь принципом научной объективности, обратим внимание на ряд неизбежных недостатков этой формы профессионального диалога. Прежде всего, публичное выступление на актуальную тему с аудиовидеозаписью по определению будет уступать тексту научной статьи (монографии) по отточенности формулировок, даже с учётом использования автором конспекта доклада, особенно в дискуссионной части научного семинара, где прямая речь будет преобладать. Неизбежно возникают сложности с фиксацией научно-справочного аппарата, ведь все ссылки на источники и литературу не проговариваются, далеко не вся выносимая в подстрочник информация может быть оглашена, маловероятным эпизодом надо признать обращение к ключевым словам и аннотации, которые несут в себе определённый исследовательский посыл, а в результате отсутствия этих перечисленных деталей снижается качество исторического труда. Не всегда модераторам удаётся на заседаниях добиться равноценности предлагаемых докладов, мешает узость тем, ибо не каждый автор готов подняться до уровня общеказаковедческих обобщений и уход в исторические детали порой делает некоторые сюжеты недостаточно интересными и полезными для части коллег. Ну, и самое главное, выступление на заседании ДКНС, как и на любом другом научном семинаре (за редким исключением), не является публикацией для докладчиков, в отличие от подавляющего большинства научных конференций и чтений, и, если не решить эту проблему, то, как говорится, сколько не говори рахат-лукум, рахат-лукум, рахат-лукум, слаще во рту не станет. Впрочем, удачным выходом из ситуации вполне могла бы стать обязательная публикация тезисов (до 4 страниц стандартного текста) докладчиков ДКНС на страницах журнала «Казаковедение» (согласно договора

о творческом сотрудничестве редакции журнала и Института истории и международных отношений ЮФУ), и тогда бы знакомство профессионального сообщества историков-казаковедов с обозначенными тезисами докладов и позже выложенной аудиовидеозаписью выступления на портале видеоканала ДКНС становилось бы своеобразной коллективной рецензией для последующей публикации уже развёрнутой статьи в журнале «Казаковедение», а, соответственно, профессиональное сообщество историков-казаковедов фундаментальный историографический факт, анализ которого непременно бы выступал стимулирующим фактором казаковедческих исследований по наиболее актуальной проблематике.

Обратимся к опыту проведения ещё одного научного семинара донских историков-казаковедов. На базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону) в период 2022–2023 гг. прошло три научных семинара на общую тему «Казачество и казаковедение в современной России: южный регион», где основным модератором выступил доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра РАН Андрей Вадимович Венков.

Первое заседание вышеназванного семинара состоялось **7 октября 2022 г.**, на котором профессор, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова Александр Павлович Скорик представил доклад «Актуальные дефиниции в истории донского казачества: методологический воркшоп».

Совокупность проработанных дефиниций в докладе была разделена следующим образом: 1) группа общих понятий о казачестве; 2) понятия, характеризующие казачьи традиции; 3) понятия о казачестве, подверженные политической конъюнктуре; 4) ключевые понятия о казачестве советского периода истории; 5) основные понятия современного периода истории казачества. На первом заседании семинара собравшиеся научные сотрудники ЮНЦ РАН решили обсудить только одну, первую группу представленных дефиниций. Алгоритм проведения научного семинара предусматривал вот такую последовательность действий: 1) вначале на большом мониторе компьютера показывался текстовый слайд и автор зачитывал определение, расставляя ударения и акценты с точки зрения русского языка и дефиниенса; 2) докладчик давал свои комментарии в отношении предложенного определения, отвечая на контекстуально возникающий вопрос, почему сформулирован именно такой *definiens*; 3) велась свободная дискуссия в отношении дефиниции участниками научного семинара: кто-то делал ремарку, кто-то излагал свою позицию с развёрнутыми аргументами, кто ставил открытые вопросы; 4) обсуждение завершалось на семинаре принятием итогового решения в рамках одного из трёх оговорённых вариантов: признать представленную дефиницию в качестве возможного рабочего определения для последующего использования в исследовательской практике; отказаться от продолжения дискуссии по данному понятию, ввиду его недостаточной значимости для историков-казаковедов, или же отложить обсуждение по каким-то иным существенным причинам; доработать предложенную дефиницию и заново представить к обсуждению, причём, участниками семинара указывались направления возможной доработки дефиниции и даже предлагались какие-то формулировки. Руководил процессом обсуждения в ходе

свободной дискуссии и принятием резолютивного решения модератор, профессор А.В. Венков.

Для дискуссии 7 октября 2022 г. было предложено вот такое рабочее определение понятия **«донские казаки»** – это обособленная группа русских, этническая группа русского суперэтноса (с включением ряда диаспоральных этнообщин), исторически сформировавшаяся на фронтальной территории Подонья-Приазовья, а её потомки сегодня сохранили тенденцию к этнической консолидации. Автор формулировки акцентировал внимание собравшихся на этнологической трактовке дефиниции, с её привязкой к понятию «суперэтнос» в рамках пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилёва, против чего возражал в своём дистанционном отклике профессор Кубанского государственного университета, доктор политических наук, доктор исторических наук Андрей Владимирович Баранов. Второй идентифицирующий критерий понятия «донские казаки», по мнению А.П. Скорика, выражается в хронотопическом указании на фронтальную территорию Подонья-Приазовья. Третий параметр указывает на этническую консолидацию потомков казаков в настоящее время.

В завязавшейся дискуссии участники говорили о том, что каждая из групп российского казачества (кубанское, терское, уральское и др.) имеет свои особенности, поэтому сложно выработать единое научное понятие, предметно раскрывающее сущность казачества. Доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета (ныне уже покойная) Татьяна Александровна. Невская, в частности, предложила добавить в определение уточняющую формулировку «этническая группа, обладающая самосознанием и особенностями культуры», поскольку именно самосознание, по мнению многих современных исследователей, считается основным этническим признаком.

В итоге дефиниция понятия была разделена на два взаимосвязанных по смыслу предложения. Донские казаки – это обособленная группа русских, субэтническая группа русского суперэтноса (с включением ряда диаспоральных этнообщин), обладающая самосознанием и особенностями культуры. Она исторически сформировалась на фронтальной территории Подонья-Приазовья, а её потомки сегодня сохранили тенденцию к этнической консолидации.

Кроме того, по итогам состоявшейся дискуссии, А.П. Скорик дополнил данную трактовку ещё несколькими отдельными формулировками. В рамках процедуры непереносимого установления современными казаками этнической самоидентификации, казаки – это та часть населения донского края, которая может подтвердить своё кровнородственное отношение к донскому казачеству устными или письменными свидетельствами (преимущественно по отцовской линии). Причём, по мнению бывшего войскового атамана войскового казачьего общества «Всеволокное Войско Донское», бывшего заместителя губернатора Ростовской области, а ныне первого заместителя председателя комитета Государственной думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, члена Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям, члена Совета при Президенте РФ по делам казачества, доктора социологических наук, казачьего генерала Виктора Петровича Водолацкого, в роду истинного казака должны быть в роду поколения восходящие к 1740 г. [11].

В данном случае мы акцентируем внимание на понятии «казаки», которое, прежде всего, получило распространение в среде самих казаков. Оно по большому

счёту относится к области преданий и выражается в идеологеме «Ты, какой станицы (хутора) будешь?» Мы вначале сомневались, стоит ли на данном дефиниенсе концентрировать внимание, но, учитывая устойчивость этих представлений в казачьей среде, решили всё же включить это определение в контекст ведущегося поиска оптимальных формулировок. Сами казаки в таком случае обычно ссылаются на различные семейные истории. Очень редко кто действительно готов предъявить настоящие документальные свидетельства о своём казачьем происхождении, завершенные архивистами.

В рамках социологического понимания казаки – это та часть населения донского края, которая достаточно долго проживает на исторически заселённых казаками землях, причисляет себя к местному населению и поддерживает (приветствует) возрождение донского казачества. Причём, срок проживания (так называемая хронологическая черта оседлости) составляет 8–10 лет. Если привлечь данные исторической социологии, то в стародавние времена на Дону существовала категория приписных казаков, формировавшаяся из числа разносословных мигрантов из России, преимущественно из укоренившихся крестьян, которых защищал казачий обычай «С Дона выдачи нет!».

Социологическое истолкование понятия «донские казаки» имеет две смысловые составляющие. *Во-первых*, современное понимание, связанное с интерпретацией положения иногородних, которые продолжительный период проживают на Дону. Фразы «Он-де наш, давно тут живёт», или «Да я уж здесь прижился, сроднился, породнился». Часть этих иногородних активно вступала в ряды казачьего движения в 1990-е гг., и даже сумела занять довольно высокое положение в казачьих управленческих структурах. *Во-вторых*, на наш взгляд, в рассматриваемую когорту не только исторически входили приписные казаки, но и существовал обряд посвящения в казаки, когда иногородний, пожелавший жениться на казачке, приезжал на лошади в Новочеркасск, объезжал трижды вокруг памятника Ермаку, а затем отвешивал земные поклоны известному атаману. И всё это происходило в присутствии свидетелей. Заметим, обряд посвящения в казаки и сегодня часто встречается культурно-досуговой и туристической деятельности общественных и иных организаций, отдельных сообществ, чтобы потрафить самолюбию гостей донского края. Исторически приписными казаками считались только лица, принятые в общество по станичным приговорам, если они сами об этом просили и, если зарекомендовали себя как заслуженные и достойные уважения граждане.

Ментальное понимание обсуждаемой дефиниции подразумевает, что казаки – это группа донских жителей, которые по социально-психологическому складу ума, по своему характеру считают себя казаками. В их социально-психологическом генотипе заложены: склонность к военизированному образу жизни, чувство свободы и справедливости, мужское братство, стремление к освоению казачьих традиций и т.п. Получается гендерная мужская модель поведения полувоенного образца, транслируемая её носителем в современную повседневность в трёх вариациях: в быту, в казачьей организации и, особенно, в рамках плац-парадных мероприятий казачества.

Ментальное определение дефиниенса понятия «донские казаки» часто фигурировало в 1990-е гг., в начальный период казачьего возрождения. Оно было очень актуально тогда, но и сегодня ещё значимо для части казаков, затрудняющихся привести конкретные доказательства своего казачьего происхождения. Конечно же,

строго говоря, это не научное определение, но в социальной реальности мы с подобным милитарным явлением сталкивались, поэтому сочли возможным предложить для обсуждения и такой вариант ключевой дефиниции. Вполне реален в обозначенной смысловой перспективе, если следовать обоснованным ранее нашим постулатам [12, с. 131–140], сонорно-ассоциативный ряд: казак – воин – патриот – гражданин России.

Также допустимо общественно-самостийное понимание рассматриваемой дефиниции в рамках предпринятой научной дискуссии, когда донские казаки – это члены современных территориально-общественных объединений местного самоуправления и/или члены общественно-политических организаций. В обиходе у современных казаков и историков-казаковедов их принято называть «казаками-общественниками» («самостийниками»).

К числу известных общественных организаций относится общественное объединение Международный Союз Общественных Объединений «Всевеликое Войско Донское» во главе с атаманом Николаем Ивановичем Козицыным. Министерство юстиции Российской Федерации своим распоряжением от 27 ноября 2017 г. приняло решение об исключении из ведомственного реестра зарегистрированных некоммерческих организаций этой общественной организации. Сам Н.И. Козицын (самое комплементарное прозвище «Батя») публично называл себя к началу 2024 г. «атаманом Всевеликого Войска Донского, командующим казачьей национальной гвардией» [13].

Известный ростовский историк-казаковед Александр Иванович Козлов в своё время ввёл в научный оборот термин «ряженые» [14, с. 11–14], за что подвергался жёсткой критике со стороны радикальной части участников казачьего движения. «Ряженые казаки» – это уникальная категория людей, которая явно неровно дышит к облачению в военные мундиры, стремится к увешиванию груди орденами, медалями и прочими знаками далеко не всегда проявленной доблести. Оказывается, кто-то готов из слова «казак» сделать для себя некий набор значимых предпочтений, позволяющих утолить необузданное самолюбие. Они стараются наспех слепить из собственных заявлений о гипотетическом служении Родине банальную PR-акцию, которая может, по мнению таких людей, добавить им определённых общественных, а то и неких политических бонусов. Они хорошо научились пользоваться самопальными «корочками», увешивать свои широкие груди крупными, как августовские яблоки, орденами и менять погоны, возвышаясь под порой мнимой казачьей иерархической лестницей, с умопомрачительной скоростью. Именно эти люди, паразитирующие на понятии казачества, и становятся причиной того, что на многих (даже потомственных) казаков в России часто смотрят, мягко говоря, с некоторым недоверием. Именно «ряженая сотня» внешне и превращает саму идею возрождения казачьих традиций и служения Отечеству в полный фарс.

Государственно-реестровое понимание рассматриваемой дефиниции предполагает, что казаки – это члены современных реестровых войсковых казачьих обществ, зарегистрированных в порядке, определённом действующим российским законодательством. В обиходе у современных казаков и историков-казаковедов их принято называть «реестровыми казаками».

Тем самым, отвечая на вопрос, кого сегодня можно называть казаками, нельзя дать однозначный ответ. Поэтому формулируемые нами дефиниции носят дискус-

сионный характер, и, более того, все вышеперечисленные понятия не могут рассматриваться отдельно. Они являются характеристиками одного и того же исторического явления. Тем не менее, данные определения весьма спорны и потому выносятся на обсуждение научного сообщества историков.

В настоящее время с казаками в основном ассоциируют реестровых казаков, но они, подчеркнём, остаются лишь частью современного казачества, хотя активно и публично себя позиционирующей. Согласно пункту 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 5 декабря 2005 года, № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (в ред. от 23.03.2024), российское казачество – это «граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ», а, в соответствии пунктом 2 части 1 статьи 2 вышеназванного закона, «информационный ресурс, содержащий сведения о казачьих обществах», называется «Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

В привязке к историческому рубежу XX в., по нашему мнению, **донские казаки** – это социально-этническое сообщество подданных Российской империи, представлявшее коренное население исторического региона Дона, по национальному составу преимущественно великоросского происхождения, отличавшееся донским говором, разделявшееся на группы верховых и низовых казаков, обладавшее юридически закреплёнными сословными привилегиями, характеризовавшееся знаковыми особенностями культуры и быта, выполнявшее обязанности воинской службы в составе казачьих кавалерийских частей русской армии.

Такое определение донских казаков имеет чёткую региональную и хронологическую привязку и не может быть распространено на другие исторические эпохи. Более того, как мы доказываем в своих работах, в советские времена указанные сущностные черты донских казаков заметно трансформируются.

Производное от дефиниции «донские казаки» и употребляемое сегодня понятие **«потомки казаков»** – это происходящие по факту своего рождения от казаков лица, молодые поколения жителей Дона, знающие о своём казачьем происхождении, соблюдающие казачьи обычаи и традиции, сохраняющие память о своих казачьих предках. К потомкам казаков относятся: сыновья, внуки, правнуки, будущие поколения, то есть все сыны казачьи. Известна самокритичная казачья поговорка: дед мой был казак, отец – сын казачий, а я – хвост собачий. В представленном нами определении потоков казаков выделены три генерализующих признака понятия: наследственная связь, социальная приверженность и культурная память.

С другой стороны в современной историографии фигурирует понятие **«неоказачество»**, и авторской трактовке – это народившаяся за годы казачьего возрождения своеобразная казачья старшина (казачья бюрократия), которая освоила работу в различных выборных и назначаемых казачьих управленческих структурах (например, в государственном казенном учреждении Ростовской области «Казаки Дона») и в органах государственной власти, создатели новых казачьих войск в российских регионах, где исторически казаков никогда не было, вплоть до Всероссийского казачьего общества. Они декларировали своей целью именно «возрождение» некогда сошедшего с исторической арены социума и теперь осваивают «управленческую ренту». Приоритет в научной постановке вопроса о неоказачестве принадлежит российскому политологу и историку-казакведу Сергею Мирославовичу Маркедонову [15, с. 106–119].

Тем самым, мы видим в неказачестве, как это не парадоксально звучит, народившееся современное сословие российского общества, отдельную социальную страту, по большому счёту никакого отношения к казачеству не имеющую и удачно эксплуатирующую казачью идею и благожелательное отношение современного политического руководства России к казачеству. Конечно же, такие авторские оценки звучат довольно резко. Они могут быть неприятны представителям этой группы, но по факту это так. По крайней мере, проблема современной казачьей бюрократии существует ещё с 1990-х гг. (когда отдельные казачьи лидеры, обретя должность, не забывали, прежде всего, себя любимых). На эту острую проблему нельзя закрывать глаза, и её непременно надо спокойно и рассудительно обсуждать в научном сообществе историков, избегая политической ангажированности и конъюнктурной публичности. А главное, искать корректные пути преодоления негативного влияния этой группы на решение актуальных вопросов казачьего возрождения в наши дни.

В ходе развернувшейся дискуссии на научном семинаре 7 октября 2022 г. в ЮНЦ РАН высказывалась мысль о неотделимости дефиниции «донские казаки» от родового понятия «Войско Донское». В итоге у нас появилось вот такое определение. **Войско Донское** – это квазигосударственное образование, формирующееся как историческое явление в первой половине XVI в. и существующее в таком состоянии до начала XVIII в. Квазигосударственность – это такой тип властных отношений, который возникает при отсутствии, недостаточности исторического опыта бюрократического функционирования государственных органов, при патриархальности социальной организации, аморфности социокультурного пространства, отсутствии общегражданской самоидентификации, неразвитости права и правового сознания, авторитарности политических отношений, преимущественно географической обусловленности существования данного политического образования. Здесь мы использовали определение, данное в своё время в нашей статье [16, с. 139].

Квазигосударственность представляет собой в исторических условиях этап, предшествующий становлению государственных форм. Как мы полагаем, «пасторальный» характер хозяйственной жизни вообще консервирует общество на стадии квазигосударственности. И даже при последующем внедрении более современных государственных форм извне и иных культурных влияниях этническая культура сохраняет в исторической памяти образ самостоятельного социального организма с квазигосударственными признаками.

Таким образом, квазигосударственность – это такой тип властных отношений, который возникает при следующих исторических условиях:

- ◆ отсутствию или недостаточности исторического опыта бюрократического функционирования государственных органов;
- ◆ патриархальности социальной организации, сложившейся в силу ряда исторических причин;
- ◆ неразвитости права и правового сознания, а, соответственно, нередко преобладания обычного права над правом позитивным (устного над писанным);
- ◆ авторитарности политических отношений, сдерживающей развитие государственности;
- ◆ преимущественно географической и/или геополитической обусловленности существования данного политического образования.

Мир казачьей повседневности, базисный хозяйственно-культурный уклад казачества невозможно понять без обращения к понятиям, раскрывающим категорию «жилище», и к их числу относится дефиниция «казачий хутор», которую профессор А.П. Скорик представил на научном семинаре 7 октября 2022 г. в ЮНЦ РАН. **Казачий хутор**, по его мнению, это социально-экономическая и поселенческая структура казаков, отличающаяся способами ведения хозяйственной деятельности и организации системы землепользования, наличием территориального общественного самоуправления (обусловленного местными традициями), обустройством повседневного быта и архетипичными чертами культуры хуторян, ноосферным формированием эколого-природной среды обитания, преимущественными моделями экономического поведения и характерной ментальностью жителей.

В этом случае используется 9 критериев для определения понятия. Из них три (организация системы землепользования, территориальное общественное самоуправление, ментальность жителей), на наш взгляд, отличают казачий хутор от крестьянского хутора. Однако, как считала профессор Т.А. Невская, до революции хутор имел общее управление со станицей. С этой позицией мы не согласны. Да, существовали станичные юрты, но это не мешало хуторам иметь собственное самоуправление. Борьба за него отражена в нашей совместной с И.М. Фединой монографией, посвященной кубанскому хутору [17]. Кроме того, как полагала Татьяна Александровна, хутор не может обладать ментальностью жителей. Подчеркнём, мы говорим о хуторской ментальности жителей, и здесь делается совершенно другой акцент. Вопрос профессора Т.А. Невской: «Что-то ноосферное есть только на хуторе или в станице тоже? Это хорошо бы пояснить». С нашей точки зрения, ближе к природе именно хутор, а станица всё же чаще как поселенческая структура сосредоточена в себе самой. Участники дискуссии решили повторно вернуться к обсуждению понятия «казачий хутор», чтобы собрать более широкую палитру мнений.

В современном крестьяноведении сложилась историографическая традиция, когда хутор считается, прежде всего, хозяйственной структурой, местом для ведения отдельного хозяйства. К примеру, такой выдающийся учёный-аграрник как Леонид Васильевич Милов под хуторской системой южных великорусских и украинских районов подразумевал место для осуществления хозяйственной деятельности, и, по его мнению, хутор являлся порождением крупного скотоводства и коневодства [18, с. 247–248]. Здесь мы, пожалуй, не согласимся с уважаемым академиком Л.В. Миловым. Казачий кубанский хутор – это не просто место для ведения хозяйства. Это, прежде всего, поселенческое образование. Хутор на Кубани формировался, как и все другие поселения, и он прошёл в своём развитии несколько этапов. Хутор отличается не только способами ведения хозяйственной деятельности, способами землепользования. В кубанском хуторе традиционно имелось своё самоуправление, нередко своя церковь и своя школа. Тем самым, казачий хутор на Кубани представлял собой полноценное поселенческое образование, а не только место для ведения хозяйственной деятельности. Этому вопросу посвящена четвёртая глава «Топохронная эволюция хуторских поселений кубанских казаков в конце XVIII – начале XX вв.» в докторской диссертации И.М. Фединой [19, с. 305–351].

Станица в докладе А.П. Скорика на научном семинаре 7 октября 2022 г. в ЮНЦ РАН обозначалась как постоянное казачье поселение, являющееся административным центром для территориально установленного станичного юрта с земельными угодьями и иными населёнными пунктами, объединявшее са-

модеятельное казачье общество со своим самоуправлением, выступавшее базой для формирования воинского подразделения, сохранявшее самобытный казачий поселенческий уклад. В историческом и пространственном отношении понятие станицы заметно изменяется.

В этом случае используется 8 критериев для определения понятия. Мы акцентируем внимание: на станичном юрту, казачьем обществе со своим самоуправлением и на базе для формирования воинского подразделения. Этими критериями исторически предопределялось существование станицы.

Как справедливо заметил профессор О.В. Матвеев, понятие станицы исторически довольно изменчиво, и мы с этим согласны. Поэтому, подчеркнём, приводимый нами вариант понятия «станция» применителен к историческому периоду начала XX века. Смысловая эволюция дефиниции может быть показана через ключевые признаки понятия: 1) поселенческая структура; 2) административный центр; 3) оформленный станичный юрт; 4) закреплённый земельный клин; 5) самодеятельное казачье общество; 6) развитое местное самоуправление; 7) база для формирования воинского подразделения; 8) самобытный поселенческий уклад. Далее соответственно историческому времени понятие складывается как пазл из присущих станице признаков, которые на данный момент имеют главенствующее значение. При трактовке понятия станицы следует упомянуть её исторически передвижной характер, когда станция становилась посольской структурой (легковой, зимовой), временным пристанищем в пути следования казаков (в понимании стана), казачьим объединением при нахождении далеко за пределами поселения (группа казаков определённой станицы), новым поселенческим образованием при переселении казаков, или изменении места расположения станицы в силу различных причин. Участники дискуссии 7 октября 2022 г. договорились продолжить обсуждение понятия «станция».

Особых возражений на семинаре не вызвало определение понятия **«казачье сословие»**, что это относительно замкнутая социальная группа в России, обладающая юридически закреплённой российским государством системой льгот и привилегий, выполняющая взамен определённые обязанности, прежде всего, по несению воинской службы, и имеющая в силу данных обстоятельств некоторые особенности культуры и быта.

В предложенном определении А.П. Скорика использовано 5 признаков понятия. В историографии обычно исследователи концентрируются на системе льгот и привилегий и обязанности по несению воинской службы. За выполнение обязанностей воинской службы казачество имело определённые государством сословные льготы и привилегии. В нормативно-правовом порядке, в частности, оно освобождалось от несения рекрутской повинности (существовавшей до 1874 г.), ввиду особого порядка несения казаками воинской службы; избавлялось от уплаты налогов (в том числе подушной подати, государственного земского сбора); пользовалось исключительным правом беспошлинной торговли в пределах войсковой территории; брало плату за аренду базаров и ярмарочных мест; осуществляло сбор за право торговли крепкими напитками (до введения винной монополии к началу 1900-х гг. в результате реформы С.Ю. Витте); наделялось особыми правами на пользование войсковыми и юртовыми землями и другими угодьями (лесными, пастбищными, камышовыми, рыбными, соляными и пр.); собирало посажённую плату за землю и другие сборы с иногородних; имело право на установление и взимание арендной

платы за землю (зачастую служившей основным источником доходов в пополнении станичной казны); пользовалось своим правом на установление и взимание платы за наём общественных зданий; располагало управленческой самостоятельностью в рамках станичного общественного самоуправления. И всё же главной сословной привилегией казачества являлось его наделение земельным участком (наделом-паем), превосходившим по своим размерам крестьянские наделы.

Профессор Северо-Кавказского федерального университета Т.А. Невская предложила добавить фразу, что права и обязанности сословной группы передаются по наследству. В итоге в определение было вписано ещё одно предложение: «Причём, права и обязанности сословной группы передавались по наследству, а, соответственно, архетипические черты казачьей культуры служили залогом сословной консолидации».

По сложившейся в российской историографии традиции, **надел-пай** – это земельный участок, выделяемый из общего земельного клина станичного юрта, за выполнение (настоящее или будущее) обязанностей военной службы на одну мужскую душу. Обычно считается, что 30-десятичная пропорция являлась устойчивым размером земельного участка, гарантированного российским государством, но реализация этой целевой установки оказывалась не всегда возможной на практике. В принципе здесь, казалось бы, всё понятно. Но есть проблема земельных переделов, которую обычно не замечает широкая публика. Нельзя также забывать социальное неравенство среди казаков, которое дезавуировало преимущества получения надела-пая. И, конечно же, значение имеет размер надела-пая, поскольку в малоземельных станичных юртах он мог быть в разы меньше 30-десятичной пропорции, исторический миф о которой оказался поразительно живучим явлением в массовом общественном сознании.

Второе заседание научного семинара «Казачество и казаковедение в современной России: южный регион» прошло в ЮНЦ РАН **16 декабря 2022 г.**, на котором по предложению модератора, профессора А.В. Венкова участники сосредоточились на обсуждении основных понятий современного периода истории казачества, которые представил профессор А.П. Скорик.

По его мнению, **возрождение казачества** – это современный исторический процесс, начавшийся с конца 1980-х гг. и продолжающийся до настоящего времени, имеющий две взаимосвязанные тенденции, с одной стороны, это стремление потомков казаков и присоединившихся к ним разноликих социальных неофилов сделать казаков публичным активным сообществом, а, с другой стороны, желание власть предержащих осуществить социальный проект по созданию неказачества, ориентированного исключительно на реализацию государственных интересов. Вместе с тем, современное возрождение казачества можно интерпретировать как социальный процесс духовного подъёма и организационного формирования казачества России. В нём выделяются три основных взаимосвязанных направления, вытекающие из имманентной социальной природы казачества: военно-сословное, культурно-этническое и социально-экономическое.

Понятие «возрождение казачества» следует признать сложившимся историческим термином, получившим весьма широкое распространение в казачьей среде, в официальном документообороте, в широком общественном сознании. С другой стороны, презюмируемое в таком лексическом обороте понятие вызывает немало вопросов у профессиональных исследователей, особенно слово «возрождение».

Но, на наш взгляд, раз уж понятие стало характеристикой социальной реальности в казачьих регионах со второй половины 1980-х гг., описывающей состояние гражданской активности потомков казаков, то было бы не (!) правильно его игнорировать. Более того, здесь надо выделять этапы, стадии, волны казачьего возрождения (кому как удобно в терминологическом плане). Для нас, как исследователя, очевидно наличие социальной группы казаков первой волны казачьего возрождения, в которую мы включаем активных участников казачьего движения 1990-х и первого десятилетия XXI века [20, с. 8]. Именно они, на наш взгляд, собственно, и составили лицо казачьего возрождения, именно они преодолевали раскол в казачьем движении. Но в 2000-е гг. зарождается новая волна казачьего возрождения, и смена поколений происходит примерно в 2010–2012 гг. Увы, вторая волна оказалась не такой активной и в большей степени, скажем вежливо, бюрократизированной. Происходит явный спад казачьего движения. В анализе этих процессов поможет понятие «система казачьего возрождения». Также нельзя забывать о подтексте социального проекта [21, с. 167–176], причём, как со стороны властей, так и со стороны, казачества.

Вот полученный комментарий профессора А.В. Баранова: «С точки зрения методологии конструктивизма, которую мы разделяем, современными казаками становятся те, кто желает и может считать себя казаком и действует соответствующим образом. Поэтому в современном обществе архаично выглядит разделение на «потомков» и «неофитов». Этот комментарий мы принять на свой счёт не можем и занимаем другую позицию, ибо в социальной реальности наличествует «неказачество», о чём убедительно писали и другие авторы, в частности, С.М. Маркедонов. К тому же мы активно участвуем в казачьем движении и знаем ситуацию изнутри.

Вот позиция профессора О.В. Матвеева: «Возрождение казачества. – О.В. Рвачева и другие выделяют в этом процессе не только конец 1980-х гг., но и 1920-е–1930-е гг.: «лицом к казачеству», колхозное казачество, снятие ограничений 1936 г., возрождение казачьей культуры, профессиональных хоров, воинских традиций и пр.». Мы занимаем иную позицию, и в период 1920-х – 1930-х гг. выделяем две социально-политические кампании: «лицом к казачеству» и «за советское казачество», ставшими генерализующими для двух десятилетий историческими сюжетами, когда власти неизбежно возвращались к использованию потенциала казачьих сообществ. Кроме того, говорить о возрождении не правомерно, ведь после Гражданской войны прошло 10–15 лет и жёсткого разрыва между поколениями казаков не наблюдалось. Обе кампании пришлось во многом практически на одни и те же поколения казаков, а казачья молодёжь воспитывалась под большим влиянием дореволюционных поколений, под воздействием казаков, прошедших сквозь жестокое горнило «германской» и Гражданской войн.

На втором заседании научного семинара в ЮНЦ РАН 16 декабря 2022 г. профессором А.П. Скориком также предлагалось для дискуссии понятие «**система возрождения казачества**». Оно трактовалось как базовая совокупность государственных и общественных формирований, которые целенаправленно взаимодействуют в процессе осуществления государственной политики по воссозданию в социально-политической структуре современного российского общества особой корпорации – российского казачества. Система возрождения казачества, по мнению докладчика, одновременно обнаруживает три функциональные подсистемы (структуры): институциональную (элементная база), коммуникативную (доминиру-

ющие каналы и связи) и нормативную (устанавливаемые правила взаимодействия и ценностные установки). Институциональная подсистема – это социально-политические институты и организации (государственные и общественные), которые обеспечивают возрождение казачества. Коммуникативную подсистему (доминирующие каналы и связи) в возрождении современного казачества образуют общие социальные лифты, возникающие между её частями, элементами в процессе их взаимного уведомления о собственных статусах, функциях и действиях. Нормативная подсистема (устанавливаемые правила взаимодействия и ценностные установки) включает федеральные, региональные, муниципальные нормативные акты, социальные нормы и уставные документы казачьих организаций, регламентирующие процесс возрождения казачества.

Необходимость введения понятия «система казачьего возрождения» его автор обосновывал насущной потребностью аналитического структурирования рассматриваемых социальных процессов казачьего возрождения. Выделяемые: институциональная подсистема, коммуникативная подсистема, нормативная подсистема раскрывают составные части общего процесса. В каждой из них можно наблюдать свои генерализующие тенденции развития. Эволюция казачьих организаций, их вхождение в государственный реестр хорошо описывается в институциональном плане [22]. Характеристики участников казачьего возрождения могут быть рассмотрены в коммуникативной плоскости. И, конечно, заметно изменилось действующее российское законодательство в отношении казачества. Сами казаки чаще стали апеллировать к нормативно-правовым актам, причём, если раньше больше говорили о нормах, связанных с политической реабилитацией казачества, то теперь обращаются к локальным актам самих казачьих организаций, прежде всего, к уставам казачьих обществ. Правда, уровень знаний и понимания рядовыми казаками, да и многими атаманами (вплоть до окружных) норм права оставляет желать лучшего, в чём мы неоднократно лично убеждались, присутствуя на казачьих кругах.

В анализе современного российского казачества, на наш взгляд, можно использовать историко-политологический подход, и тогда эффективным инструментом окажется формула особой группы интересов, учитывая существующую незавершенность процессов казачьего возрождения. Иначе говоря, **особая группа интересов неказачества** – это способ осознания и выражения своих внутренних ожиданий, сформировавшихся потребностей, ассоциированных целей, намеренно моделируемых на основе сложного комплекса групповых представлений о прошлом, настоящем и будущем, для реализации которых создаются влиятельные объединения, стремящиеся приобрести государственно-значимый статус.

Эта дефиниция родилась у нас в ходе межличностных дискуссий с известным ростовским историком и философом Анатолием Владимировичем Лубским. Понятие «особая группа интересов» тогда (16 лет назад) только входило в научный оборот политологов. Оно позволяет выявить направления политической активности казаков, определить степень их институализации и уровень социальной организованности потомков казаков. Отсюда проистекают перспективы реализации особой группы интересов неказачества и неизбежность формирования групп давления, деятельность которых всегда носит политический характер. Другого не дано.

Тем самым, потомки казаков через участие в деятельности групп интересов неизбежно переходят от социальной к политической активности и образуют группу неказачества. Далее они формируют необходимые ресурсы для воздействия

на власть, создают каналы для трансляции нужд и запросов казачьего населения до управленческого локуса лиц и органов, принимающих политические решения. Функционально, мы полагаем, можно выделить четыре взаимосвязанных стадии реализации особой группы интересов неказачества.

Первая. Артикулирование интересов, когда через публичное оглашение происходит преобразование социальных эмоций и ожиданий, чувств и неудовлетворённости или солидарности потомков казаков в определённые политические требования. Например, перечень требований к председателю Ростовского областного Совета народных депутатов Александру Васильевичу Попову и исполняющему обязанности Главы Администрации Ростовской области Виктору Николаевичу Анпилову, принятый 21 сентября 1992 г. в Ростове-на-Дону, подчеркнём, на заседании представителей округов и станиц Области Войска Донского, вошедшие в обиход как «25 требований донского казачества» [23, с. 272–275].

Вторая стадия. Агрегирование интересов, когда осуществляется согласование частных потребностей, прежде всего, самих казачьих лидеров, установление между этими потребностями определённой иерархии, когда на этой основе осуществляется выработка общегрупповых целей. Вот, например, Атаман Союза казаков Области Войска Донского (в период 1992–1993 гг.) Василий Иванович Каледин получил на совершенно бюджетной основе трёхкомнатную квартиру в Новочеркасске. Ну, должен иметь атаман свою квартиру в столице донского казачества настойчиво твердили казаки. И всё тут! Агрегирование интересов предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но также и тех, что имеют наилучшие шансы для практического воплощения. Это очень важно при историко-политологическом анализе движения казачьего возрождения. Когда неказачеству удавалось чего-то добиться, неизменно рос авторитет казачьих организаций.

Третья стадия – стадия информирования. Группы интересов неказачества доводят до органов государственной власти сведения о состоянии той или иной проблемы общественной жизни, то есть происходит трансляция общественного мнения. И вот здесь как раз осуществляется структурная подмена общественного мнения широких слоёв казачьего населения (казачества) частным мнением группы интересов неказачества, что, во многом, и обуславливало расколы в казачьем движении.

Четвёртая стадия – формирование казачьей политической элиты, о чём пишет в своей кандидатской диссертации И.М. Болдырев [24]. Группы интересов неказачества имеют возможность предлагать своих членов для работы в государственных органах (заместитель губернатора по вопросам казачества), поддерживать определённых деятелей в правительственных и других структурах (вспомним историю с Александром Владимировичем Руцким), влиять на отбор кадров (когда казаки стремились продвинуть «своих людей», например, в Государственную думу, где, увы, так и не появилось устойчивой казачьей группы), участвующих в процессе принятия решений.

На наш взгляд, четвёртая стадия оказалась не завершённой, равно как и попытки сформировать лоббистские ячейки в представительных органах власти. Но опыт такой был. Например, лидирующая казачья фракция в городской думе Новочеркасска 1-го созыва (1994–1997 гг.). Вот имена этих депутатов: Васильев Михаил Александрович, Дьяков Юрий Владимирович, Иванов Александр Викторович, Кетов Александр Анфианович, Ратиев Виктор Николаевич, Стрельцов Владимир

Семёнович. Главой Думы стал атаман города Юрий Владимирович Дьяков, его заместителями – Александр Анфианович Кетов и Владимир Семёнович Стрельцов.

Немаловажным понятием для самого современного казачества и процесса научного процессов его возрождения выступает **идеология**, поэтому на заседании научного семинара в ЮНЦ РАН 16 декабря 2022 г. профессором А.П. Скориком была предложена её трактовка. Идеология современного казачества, если обобщать социальную практику возрождения, опирается на следующие основные положения: 1) осуждение политики расказачивания; 2) утверждение, что казаки – это народ; 3) обязательное благословение православной церкви во всех насущных делах; 4) восстановление системы казачьего самоуправления; 5) использование традиционных форм общинного землевладения; 6) возрождение казачьих воинских частей; 7) социальная защита, прежде всего, славянского населения. В социальной практике эти положения дополняются целым рядом более конкретных предложений, среди которых в последнее время всё чаще выдвигаются требования гражданско-патриотического воспитания казачьей молодёжи.

Нам часто приходится слышать об отсутствии идеологии в современном казачьем движении, да и рядовые члены казачьих организаций редко могли и сейчас не всегда могут с толком и расстановкой сформулировать, ради чего они объединяются и какие идеи властвуют над их умами. Можно услышать фразы: «казаки от казаков ведутся», поэтому надо заботиться о сохранении казачьих традиций; «Слава Богу, что мы – казаки!», а, значит, мы сохраняем казачьи устои, и т.д. Мы проанализировали выступления казачьих лидеров, документы казачьих организаций, наши беседы с участниками казачьего движения, что позволило нам сформулировать понятие «идеология современного казачества», в котором структурно зафиксированы наиболее часто встречающиеся постулаты. При этом мы сегодня наблюдаем определённую эволюцию этих идеологических основ, скажем, постепенно ушли на второй план экологические требования как актуальный вопрос насущной повестки дня, реже говорят об использовании традиционных форм общинного землевладения. Естественно, в наши дни особое звучание приобретают задачи гражданско-патриотического воспитания казачьей молодёжи, о чём постоянно говорят на казачьих форумах.

Кроме системных основ идеологии казачества, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на отдельные идеологемы, которые формируются как устойчивые элементы идеологической системы в рамках обозначенных нами 7 постулатов. Любые идеологемы, включая казачьи, всегда маркированы, иначе говоря, эмоционально сильно окрашены. Естественно, целенаправленное использование идеологем является эффективным средством управления массовым сознанием (что часто и делают отдельные казачьи лидеры), поскольку идеологема легко запоминается и создаёт иллюзию понимания чего-то самого главного у объекта манипуляции. Отличительным признаком идеологемы считается многократное изменение значений, в соответствии с политической прагматикой. Либо наблюдается в конкретной идеологеме изначальная расплывчатость значений при выплеске казаками эмоций. Идеологемы бывают позитивно маркированные («Слава Богу, что мы – казаки!»): это вариант выражения постулата № 2; «казак без веры – не казак»: это вариант выражения постулата № 3) и негативно маркированные («геноцид казачьего народа»: это вариант выражения постулата № 1). «Идеи возрождения казачества, –

правомерно пишет А.А. Озеров, – появились в контексте идеологемы возрождения России в целом» [25, с. 8].

По мнению профессора А.В. Баранова: «Прежде всего, сомнительно само существование сейчас или возможность существования в будущем какой-либо казачьей идеологии. Идеология – это система принципов, ценностей, политических ориентаций и установок поведения общности или общества в целом; она имеет наукообразное (но не научное в строгом смысле!) обоснование. Даже если встать на шаткую позицию, что казачество – это народ, нелепо ведь говорить о «чукотской идеологии», «цыганской идеологии» и проч. Есть идеологии государственные, партийные, межпартийные (либерализм, марксизм, консерватизм и др.). Поэтому корректно употребить термин «идейные ориентации», не более того. Также возражаю против тезиса 2 о том, что признание казачества народом – обязательное положение «казачьей идеологии». Большинство современных казаков, судя по социологическим опросам, считает себя частью русского народа, профессиональными воинами, но не отдельным народом. Поэтому я бы не упоминал тезис 2 среди опор такой идеологии».

Мы не согласны с позицией профессора А.В. Баранова. Почему сионизм – это вполне признанная идеология евреев, а у казаков, по мнению, Андрея Владимировича, идеологии быть не может? Чем они хуже евреев?! В чём казаки провинились?! Если Андрей Владимирович опирается на данные социологических вопросов, то мы имеем возможность наблюдать ситуацию изнутри. При формулировке понятия мы исходили из понимания казаками своей идеологии, а профессор А.В. Баранов предлагает внешние оценочные суждения, а это, на наш взгляд, два разных подхода к обсуждаемому предмету.

Отличительной чертой процесса казачьего возрождения является броская общественная реакция и попытки казаков отстоять своё особое место в российском социуме, что обуславливает применение к этой социальной тенденции характерного понятия. **Политический акционизм неказаков** – это социально-групповое стремление к внешней демонстрации своей политической значимости (яркие, запоминающиеся мероприятия, порой ради самого мероприятия) для привлечения внимания общественности, органов власти и управления, для вовлечения новых прозелитов.

Казачье движение с самого начала его развёртывания во второй половине 1980-х гг. сопровождают очень яркие демонстрации своего присутствия в общественном пространстве, мы наблюдаем стремление казаков к мощному воздействию на гражданское общество. Авангардная практика радикального вторжения, давления на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом со стороны казачества продолжалась до начала 2000-х гг., а затем стала сходить на нет, но это не означает, что такая практика исчезла вовсе. Провоцирование власти на актуальное острое реагирование в отношении казачества как прагматическая мысль ещё живёт в казачьей среде. Однако, если раньше казаки заставляли гражданское общество думать над тем, какое место должно занимать казачье движение в публичном пространстве, то сегодня этого нет. Политически ангажированные казачьи акции в былые времена стирали грани дозволенного, придавали динамику казачьему возрождению, вовлекали потомков казаков в какие-либо остросюжетные действия (акции), но теперь этого немного не хватает. В результате массовое общественное сознание утрачивает интерес к возрожде-

нию казачества. Подчеркнём, мы ни в коей мере не призываем казаков к акциям социального неповиновения, мы констатируем свершившийся факт.

Постепенно в течение первых двух десятилетий казачьего возрождения сложилась и закрепились признанная государством его организационная форма, в качестве которой выступает **войсковое казачье общество**. Это казачье общество, если давать определение, которое формируется из числа потомков казаков на принципах государственного реестра, включает лиц, признающих необходимость несения государственной службы и выполняющих такие обязанности, создаётся по иерархической вертикали на территориях субъектов Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2005 года, № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», допускающим вхождение в состав общества любого российского гражданина.

Понятие «войсковое казачье общество» сегодня получило широкое распространение, в том числе в обиходной лексике, а его определение далеко не всегда приводится. Поэтому мы на основе действующих норм российского законодательства попытались сформулировать дефиницию «войсковое казачье общество», а заодно указать на самый главный изъян государственно-реестрового подхода, связанный с указанным федеральным законом, ключевые положения которого «размывают» казачью сущность войскового общества. Существование войсковых казачьих обществ в рамках государственного реестра, с одной стороны, не ограничивает возможности функционирования общественных организаций потомков казаков, а, с другой стороны, естественно, сами казаки невольно испытывают тягу к войсковым казачьим обществам, если те оправдывают их социальные ожидания.

Третье заседание научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион» прошло в ЮНЦ РАН **3 февраля 2023 г.**, на котором по предложению модератора, профессора А.В. Венкова участники семинара вернулись к обсуждению второй группы понятий, характеризующих казачьи традиции, которые представил профессор А.П. Скорик.

Прежде всего, надо определиться с генерализующим понятием **«казачьи традиции»**. С нашей точки зрения, казачьи традиции – это соблюдение устойчивых норм обычного права, обеспечивающее при их использовании самоорганизацию казачьей общности, опирающееся на применение системы наказаний и поощрений, гарантирующее порядок в общественной жизни, который создаётся в результате строгого и неуклонного исполнения всеми казаками неписаных принципов казачьей жизни.

При формулировании данной дефиниции мы использовали четыре основных формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование и применение. Они приняты в теории государства и права, и на наш взгляд, могут служить опорными конструктами в интерпретации генерализующего понятия «казачьи традиции», выступающими в качестве норм обычного права. Также заметим, что общая формулировка понятия «казачьих традиций» обязательно дополняется перечнем конкретных традиций. Тем самым, мы концентрируем внимание на функциональном предназначении казачьих традиций.

По мнению профессора Кубанского государственного университета О.В. Матвеева, казачьи традиции – это соблюдение не только норм обычного права, но и традиционная система ценностей в целом, проявляющаяся в духовной, материальной и соционормативной культуре казачества. С нашей точки зрения, нормы обычного

права (неписанные законы казачьей жизни) как раз и закрепляли не только благожелательные модели поведения, но и фиксировали и традиционную систему ценностей в целом, проявляющуюся в духовной, материальной и соционормативной культуре казачества. В этой связи мы попытаемся дать определение одной из характерных казачьих заповедей, которые буквально пронизывают казачью культуру.

За други своя – это старинная казачья заповедь, в содержательном плане сочетающаяся с православной заповедью, обычно применяющаяся к жизненной ситуации военных условий, когда требуется оказать исчерпывающую помощь боевому товарищу (высшая степень самопожертвования: положить жизнь за други своя), и в среде донских казаков изначально воплощается в традиции односумства, которая распространяется не только на воинскую службу, но и на мирное время, поскольку односум воспринимался как станичный одногодок.

Как гласит Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 13 (Ин. 15:13): «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Очевидно, что эта старинная казачья заповедь должна использоваться в гражданско-патриотической работе со студентами. Важно пояснять значение односумства, поскольку эта традиция не так широко известна, как иные казачьи традиции.

По мнению профессора О.В. Матвеева, «за други своя – это христианская заповедь вообще. [Но это не мешает нам подчёркивать её значение в казачьей среде]. Обычай односумства надо рассматривать как отдельное понятие, связанное с переходом из гражданского в воинский мир и обратно». Мы же, соглашаясь с интегративным его свойством дадим ему чёткое определение.

Односумство – это старинный казачий обычай общинного проживания и мужского братства донских казаков, охватывавший все сферы исторической повседневности, но ключевым источником здесь выступала воинская служба. Земляческим коллективом для односумов являлась казачья сотня.

Подчеркнём, в ранний период исторического существования у казаков был распространён обычай жить по 10–20 человек в одном курене с общим хозяйством. Донцы состояли как бы в одной «суме», или «коше», по выражению того времени. Этот обычай породил затем понятие «односумы». Они и в походе, и в бою держались вместе. Условия жизни казаков требовали смолоду постоянной отлучки из дома, пребывания в частых военных экспедициях. «Казака, – гласит народная песня, – воспитала и взлелеяла не семья, не мать, а кормилец Дон Иванович, да чужедальняя сторона». Есть казачья поговорка: «У наших казаков обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму». Эти народные высказывания передают всю суть жизни казака, его военизированного быта. В обыденном сознании односум толкуется как одногодок, сослуживец по армии. Согласно трактовке известного словаря Алексея Васильковича Миртова, «Аднагодкаў называли аднасумами» (хутор Ольховский Куйбышевского района Ростовской области). В романе «Тихий Дон» М.А. Шолохов пишет: «Дед Гришака... был односумом с Прокофием Мелеховым». В бою односум всегда надёжно прикрывал спину товарища. С поля боя донцы старались вынести не только раненых, но и убитых, чтобы похоронить их с почестями, не оставив на поругание противнику.

Одной из важнейших традиций донцов являлось формирование полков и батарей из казаков одних и тех же станиц. Это давало возможность сохранять сплоченные боевые коллективы и не утрачивать старинный обычай «односумства». Своеобразным земляческим коллективом выступала казачья сотня. Отношения между

казаками в ней имели практически родственный характер. Поэтому командир сотни долгое время по существу выступал главой общества односумов. За есаулом, командиром сотни, казаки шли в бой, не оглядываясь назад. Ныне возобновляются традиции односумства, направление одностаничников в один и тот же род войск и в одно место назначения в условиях проведения Россией специальной военной операции.

В этой связи представляет определённый интерес **боевой клич донских казаков**, аналогичный известному русскому возгласу «Ура!» и звучащий как «Сарынь на кичку!», но имеющий несколько другой смысловой контекст. При истолковании словосочетания получается: народ (люди) двигайтесь вперёд. Согласно В.И. Далю, этимологически эта фраза восходит к историческим временам, когда на реке Волге казаки грабили царские караваны, и такой возглас ватажного казачьего атамана означал, что бурлаки должны прибыть на нос корабля (форштевень), чтобы затем его быстро покинуть, и не мешать казакам забрать свою добычу. Со временем произошло конвертирование изначального смысла, и фраза стала боевым кличем.

Безусловно, настаивать на возвращении старинного боевого клича и на его использовании современными казаками вряд ли целесообразно. Однако вполне уместно обращаться к микроистории о наличии у казаков своего боевого клича в целях военно-патриотического воспитания казачьей молодёжи. А вот мнение профессора О.В. Матвеева: «Боевой клич. Мне, кажется, что вряд ли необходимо какие-то частности выводить в фундаментальные казачьи понятия, тем более, что «сарынь на кичку» характерно скорее для раннего казачества. У кубанцев и терцев в атаке вообще был вой, гиканье, функцией которого было вывести из психологического равновесия противника. Понятия должны исходить из категорий, связанных с системой ценностей, основополагающих характеристик казачьего быта и др.». Мы согласны с точкой зрения профессора О.В. Матвеева. Предлагая это понятие, мы хотели найти смысловые пределы того круга понятий, которые заслуживают внимания научного сообщества историков-казаковедов.

К числу нормативных регуляторов казачьей повседневности относится **военно-служилый корпоративный этикет казаков**. Это, по нашему мнению, установленный (неписаный) и строго соблюдаемый порядок поведения в казачьей среде, основанный на чинопочитании, атрибутивной демонстрации своей принадлежности к казачеству и казачьих традициях односумного межличностного общения. Тем самым, военно-служилый корпоративный этикет выражается в трёх ипостасях. *Во-первых*, речь идёт об отношении к чинопроизводству. Если в российской армии говорят «воинские звания», то у казаков принято использовать понятие «казачий чин». Если воинские звания присваивают, то казачьи чины вручают. Если в армии присвоение воинского звания означает продвижение по службе, то у казаков, прежде всего, чин – это награда за службу. Получая награду, казак публично произносит известную триаду: «Служу вере православной, Дону и Отечеству», и эта фраза более многозначна, нежели типичный отклик: «Служу России!», хотя его краткость по-своему важна. Особенно у казаков почитались те, кто, начиная службу простым казаком, становился затем офицером, получая естественное право на лидерство в казачьем сообществе. Вокруг вручения порой складывались весьма занимательные, лично ориентированные истории. Достаточно вспомнить вихорь-атамана Матвея Ивановича Платова с его стремлением к генеральскому чину, что приводит и сегодня потомков к ошибкам

в фиксировании даты рождения атамана с указанием даты рождения 1751 г, а не 1753 г. *Во-вторых*, атрибутивная демонстрация своей принадлежности к казачеству всегда оставалась для казаков существенным фактором исторической повседневности. Постоянное ношение казаками воинской формы или, как минимум, её элементов: тех же штанов с лампасами традиционно поражала российских обывателей, оказавшихся по тем или иным причинам на Дону. А взять знаменитый казачий чуб – гордость казака, ведь крестьянину вряд ли придёт в голову использовать специальные ножницы для завивания чуба, а для казака это считалось в порядке вещей. *В-третьих*, казачьи традиции односумного межличностного общения, характерного мужского братства в его лучшем понимании отличают казаков от иных социальных групп. Заметим, социально-психологическую атмосферу сложно передать словами, её надо прочувствовать. Наиболее памятный лично для меня случай связан с посещением станицы Милютинской 4 ноября 2015 г., когда в станичном храме Вознесения Господня на православный праздник Казанской иконы Божией Матери мы вместе с местным священником отцом Александром (Александр Алексеевич Персиянов) и милютинскими казаками пели казачьи песни.

Прочитируем возражение профессора О.В. Матвеева: «Военно-служилый корпоративный этикет казаков – почему только военно-служилый? Почему не менее сложный домашний этикет? Тем более даётся определение как не писанный, а как же устав: там и чинопочитание и атрибутивная демонстрация. Опять сюда включено односумство, его необходимо рассматривать как отдельную категорию». Мы считаем, что военно-служилый корпоративный этикет казаков имеет более важное значение для характеристики казачьей общности, хотя Олег Владимирович, безусловно, прав, надо расширить в этом вопросе смысловые границы.

На третьем заседании научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион» 3 февраля 2023 г. в ЮНЦ РАН решили детально не рассмотренные дефиниции **обязательно распространить в среде историков-казачествоведов** (это мы и делаем на страницах специального журнала «Казачествоведение»), чтобы имелась возможность учёным поработать над ними в исследовательской практике, а уж затем вернуться опять к обсуждению.

Дискуссионными и в настоящее время остаются понятия, подверженные политической конъюнктуре, к числу которых относится понятие **«Казакия»**. Часть казаков воспринимала названное понятие как казачий идеал, великую казачью мечту о земле обетованной, как историческое право казаков на земли Казачьего Присуда, на территории в образном произношении «сверху до низу», и «с низу до верху», или на большой бассейн реки Дон и прилегающие места. Понятие «Казакии» в качестве идеологической платформы считается одним из наиболее спорных. Автором идеи является историк Алексей Григорьевич Попов. Кроме того, исторически Казакией называли земли расселения казаков.

Действительно, историк А.Г. Попов высказывал предположение, что Земля Донская раньше называлась «Козакией», и на персидском языке «Козак значит Скифа». Насколько одобрительно к идее Казакии относился атаман М.И. Платов, желание которого о подготовке и издании книги «История о Донском Войске» (Харьков: Университетская типография, 1814 и 1816. В 2-х частях) целенаправленно реализовал А.Г. Попов, остаётся только догадываться. Идея Казакии со временем приобрела популярность, и к ней казаки неоднократно возвращались, особенно, в кризисные

периоды казачьей истории. Историческая трансформация идеи нами рассмотрена в специальной статье [26, с. 58–64].

По мнению профессора А.В. Баранова, «в российском зарубежье и в дискуссиях казачьих организаций этот термин связан с однозначной независимостью от России, с продвижением проекта отдельного национального государства и расчленения СССР (см. работы Ю.К. Кириенко, Л.Ф. Соцкова, О.В. Ратушняка, А.Л. Худобородова, А.В. Баранова и др.). Как ни оценивать Казакию, это был идеологический проект, противопоставленный сильному Российскому государству и интегрированным в состав России казачьим территориям». Но разговоры о Казакии идут и сейчас, и в казачьем сообществе продолжают в разных контекстах обсуждать идею казачьей автономии. Как мы полагаем, надо историческому сообществу вырабатывать отношение к идее казачьей автономии и не уходить от дискуссии. На каждом из исторических этапов казачьей истории эта идея существовала. Подчеркнём, Казакия – это термин, используемый также для обозначения традиционных областей, где существовали или существуют казачьи общины на территории России и Украины. Поэтому с этих позиций ничего предосудительного в использовании понятия «Казакия» нет. Вопрос в его чрезмерной идеологизации рядом исследователей вслед за казачьей эмиграцией. В чём однозначно прав профессор А.В. Баранов, так это в необходимости детальных исторических комментариев к обсуждаемому понятию. Вот авторская позиция профессора О.В. Матвеева: «Казакия – это интеллектуальные упражнения казачьей национальной эмиграции, далёкие от идеалов казачьей массы. У Попова Казакия – не идеал, а название древней страны по Константину Багрянородному, которую А.Г. Попов считал родиной казаков. Лучше брать категории традиционной картины мира, где воля, справедливость, братство имеют ведущее значение». В общем, острая дискуссия продолжается.

Ещё один острый сюжет о понимании расказачивания. **Расказачивание** – это, на наш взгляд, специальный комплекс мероприятий государственной власти, направленных на размывание и использование социальных качеств казачества в государственных целях; на искоренение казачьего сословия в структуре общества; на физическое устранение казаков. Одновременно расказачивание также выступает естественноисторическим процессом утраты казачеством его изначальных свойств. Расказачивание является исторической научной категорией, позволяющей характеризовать и описывать исторический процесс на определённом этапе существования казачества в историческом пространстве России. В трактовке расказачивания сложился устойчивый стереотип о его жёсткой непосредственной связи с известной «Директивой о расказачивании» [27, с. 176–178], причём, акцентируется внимание только на физическом истреблении казаков. Однако здесь не всё так однозначно, и специалисты об этом знают, хотя в массовом общественном сознании, особенно, потомков казаков, преобладает обозначенный стереотип. Не будем углубляться в бесконечную дискуссию о расказачивании. Обратим внимание на два существенных обстоятельства. Первое: естественноисторический процесс утраты казачеством его изначальных свойств, который чётко фиксируется историками. Второе: стремление части ангажированных исследователей выйти за рамки сложившейся исторической терминологии и использовать исключительно понятие «геноцид казачьего народа». Историкографическая критика этого сюжета нашла отражение в известной статье профессора А.В. Венкова в журнале «Новое прошлое» [28, с. 275–290]. Кроме того, заметим, что помнить о трагедии, безусловно,

необходимо, отмечать такие даты надо всегда, но воспитывать исключительно на трагедиях казачью молодёжь не стоит.

На наш взгляд (и здесь мы полностью согласны с профессором Игорем Олеговичем Тюменцевым), понятие «казачивание» надо рассматривать одновременно с дефиницией, обозначающей обратный исторический процесс. **Показачивание** – это целенаправленная политика имперских и войсковых (отчасти в более позднее время советских) властей по включению переселенцев из малороссийских и центральных губерний Российской империи и переводу компактных групп населения, прежде всего, казённого крестьянства, в казачье сословие с установлением для названных групп комплекса сословных льгот и привилегий и введения мер социальной поддержки на переходный период.

Это понятие довольно редко используется исследователями, но от этого оно вовсе не теряет своего значения для научных изысканий. В характеристике государственной политики по отношению к казачеству показачивание выступает её неотъемлемым элементом в разные исторические эпохи. Результатом показачивания стало появление в казачьем сообществе категории приписных казаков, то есть иногородних, принятых в казачью среду. Тем самым, показачивание, с одной стороны, выступает составной частью государственной политики по отношению к казачеству, а, с другой стороны, это внутренний процесс в казачьем сообществе. Возрождение казачества, начавшееся во второй половине 1980-х гг., точно также сопровождалось показачиванием представителей других социальных и этнонациональных групп, порой очень далёких от казачества как такового, но очень своевременно почувствовавших складывавшуюся в общественной жизни нашей страны политическую и экономическую конъюнктуру.

Большая политическая конъюнктура заключена в понятии **«геноцид казаков»** (или геноцид казачества, или геноцид казачьего народа). Это понятие введено в научный оборот рядом политически ангажированных историков в начале 1990-х гг. Геноцид казаков нередко сравнивают с геноцидом армян, а также с иными подобными событиями. Понятие появилось в связи с необходимостью обоснования принятия благожелательных государственных решений в отношении казачества. Дефиниция подразумевает массовое физическое, практически полное истребление казачества в 1920-е – 1930-е гг., разрушение культурных ценностей и исторического наследия казачества, глобальное выселение казаков за пределы родных поселений с целью их дальнейшего окончательного уничтожения. Понятие употребляется по отношению к советскому периоду истории, но историческими источниками оно никак не подтверждается, хотя в современной историографии отрицание политических репрессий казачества встречается крайне редко, ввиду наличия реальных фактов проведения антиказачьих акций советской властью.

Понятие носит, на наш взгляд, политологический характер, и является примером некорректного междисциплинарного заимствования. Самое главное, оно явно вредит делу налаживания нормальных отношений современного казачества с органами государственной власти и международному авторитету Российского государства. Так, в изданной в 2017 г. монографии Н.Н. Лысенко безапелляционно провозглашается жёсткий тезис о необходимости созыва Международного трибунала по расследованию геноцида казаков, якобы, осуществлявшегося в СССР [6, с. 17]. А поскольку автор книги прямо пишет о Российской Федерации как правопреемнице СССР [6, с. 100], «логика должна подсказать читателю, что

в Новочеркасске Международный трибунал будет судить Российскую Федерацию» [28, с. 278].

По мнению профессора А.В. Баранова, необходимо обратить внимание на просто нереалистичный фрагмент «практически полное истребление казачества в 1920-е – 1930-е гг.». Историки давно установили, что расказачивание в форме массовых репрессий (не только убийств, но и депортаций, голода, эмиграции) привело к сокращению численности казачества на Юге России (Дону, Кубани, Тереке) не более чем на 200–400 тыс. из 3,2 млн. казаков, проживавших на 1913 г. Это огромная трагедия, но ведь не «практически полное истребление»! Иначе было бы невозможно восстановление численности казачества на Юге России по данным переписи 1926 г. И позже казаки сохранялись, хотя мы не можем по переписям и паспортному учёту судить об их численности в 1930-х гг. и позже». На этом историографическом статистическом фоне признаваемых подавляющим большинством историков-профессионалов обобщающих данных Всесоюзной переписи 1926 г. выглядят откровенными «сказками бабы Фисы» утверждения некоторых современных историков (часто оторванных в своей территориальной локации от традиционных казачьих регионов), что в ходе и после Гражданской войны в России, «в результате политики, проводимой по отношению к казачеству, часть казаков была загнана в концлагеря, часть казаков расстреляна» [29, с. 161], и в итоге казачество исчезло. Вот так в отдельных работах излагается точка зрения и преподносится понятие «геноцида казаков», вокруг которого разворачивается жаркая дискуссия в современной историографии. Мы приводим интерпретацию этого понятия, чтобы показать его неприемлемость со стороны профессионалов в историческом сообществе.

Ещё одной группой понятий, частично обсуждённых и/или отложенных на будущее на заседаниях научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион», проходивших в ЮНЦ РАН, стали понятия советского периода истории казачества, которые требуют не меньшего внимания, чем уже обстоятельно обсуждённые участниками семинара. К их числу относится дефиниция **«повстанческое движение на Дону»**. С нашей точки зрения, это военно-политическая борьба в первой половине 1920-х гг., которую вели с властями казаки, несогласные с итогами Гражданской войны на Дону и использовавшие массовое недовольство местного населения осуществлявшейся большевиками политикой продразвёрстки. В исторических источниках советского периода повстанческое движение принято называть исключительно «борьбой с бандитизмом», при этом «бандитизм» рассматривался в двух генерализующих формах: политической и уголовной, с акцентом на второй, негативной форме. Повстанческое движение во многом предопределило переход к политике «лицом к казачеству».

Повстанческое движение на Дону как научное понятие недавно утвердилось в современной российской историографии. К поименованию борцов с советской властью повстанцами пришли далеко не сразу. Одним из первых об этом в конце XX в. стал писать ростовский историк Павел Григорьевич Чернопицкий [30, с. 3–12]. Кубанский исследователь А.В. Баранов раздвинул в Северо-Кавказском регионе временные рамки до 1924 г. Однако хронологически первой публикацией считается небольшая статья в журнале «Красная армия» начальника разведывательного отдела Первой Конной армии Ивана Сергеевича Стройло [31, с. 55–53; 32]. Несмотря на уже сложившуюся историографию и наличие фундированных специальных работ, например, кандидатской диссертации Алексея Николаевича

Грищенко [33], здесь есть над чем основательно поработать, в том числе, в методологическом плане, обновляя категориально-понятийный аппарат.

Ещё одним понятием, ставшим достаточно привычным для современной российской историографии, является дефиниция **«казаки-репатрианты»**. Так теперь принято называть казаков, вернувшихся в течение 1920-х гг. на малую родину после вынужденной эмиграции в результате Гражданской войны и целенаправленно амнистированных советской властью. По определению они были поражены в политических правах, ограничивались в праве на труд, состояли на особом учёте в органах ОГПУ. В исторических источниках они также называются «реэмигранты». В своей докторской диссертации проблему репатриации казаков в Советскую Россию в качестве отдельного исторического сюжета рассматривает Олег Валерьевич Ратушняк [34, с. 127–138].

Возвращение казаков на малую Родину после эмиграции в результате Гражданской войны представляет собой довольно сложное историческое явление. Весьма продолжительное время лица, уехавшие из страны за границу, проживавшие там какое-то, а затем вернувшиеся в Россию считались людьми иного сорта, ведь они несли на себе социальное клеймо бывшего эмигранта. Попытки репатриантов создать себе новое прошлое, в конце концов, заканчивались неудачей. Четыре-пять лет назад мы проследили качели судьбы донского казака-репатрианта Петра Ивановича Утишева, уроженца хутора Земцов Боковской станицы, с именно таким жизненным итогом [35, с. 276–305]. К сожалению, обозначенный круг научных проблем обычно трактуется в рамках представлений о казачьей эмиграции, или казачьем зарубежье, когда часть казаков вернулась на малую Родину. Эта модель исторического описания, на наш взгляд, уже явно устарела, хотя и несёт определённый творческий потенциал. Исследователям необходимо переходить к созданию социально-психологического портрета казака-репатрианта. Отчасти такой подход лежит в русле исторической социологии, но и он будет промежуточным. Есть понятие «соотечественники», и его социально-правовой смысл в приемлемом варианте определён в Федеральном законе от 24 мая 1999 г., № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», где норма-дефиниция, изложенная в пункте 1 статьи 1 «Понятие соотечественника», предметно гласит: «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нём и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Однако и это понятие, на наш взгляд, отчасти разделяет наших людей. Как мы полагаем, необходимо разрабатывать модель исторического описания под рабочим названием «Казак, временно покинувший Родину», искать её смысловые пределы, прописывать дефиниенс, продумывать категориально-понятийный аппарат.

Разворот советской власти в сторону казачества в середине 1920-х гг. можно считать вполне закономерным историческим явлением, обозначаемым историками-казаковедами понятием **«политика «лицом к казачеству»**. На наш взгляд, в понятийном плане оно означает региональную конвертацию большевистского партийного курса «лицом к деревне», который осуществлялся в бывших казачьих областях в течение 1925–1927 гг. и был тактическим курсом правящей партии, направленным на достижение социального компромисса с казачеством путём его вовлечения в местные органы советской власти. Среди самих казаков резкое

изменение политики советской власти воспринималась нередко как капитуляция большевиков на фоне обострения международной обстановки. Всесторонняя поддержка власти всего казачьего в публичном пространстве оказалась кратковременной, в связи с вызывавшим беспокойство большевиков нарастанием социального доминирования казаков на местах.

Политика «лицом к казачеству» и сегодня нередко теряется в попытках некоторых недобросовестных профессиональных историков, общественных деятелей и публицистов доказывать глобальные масштабы советского рассказывания в 1920-е – 1930-е гг. Политику «лицом к казачеству» стремятся, как бы не замечать, пропускать как нечто не существенное, не значительное. Более того, постулат о глобальных масштабах советского рассказывания в 1920-е – 1930-е гг. неоднократно озвучивали даже первые лица Российской Федерации. На наш взгляд, следует говорить о двух циклах государственной политики по отношению к казачеству в 1920-е – 1930-е гг., что мы и доказывали в одной из своих научных статей [36, с. 102–113]. Каждый цикл складывается из следующих четырёх стадий: 1) социальный протест казаков, борьба с советской властью; 2) репрессии большевиков (антиказачьи акции); 3) резкий переход власти к политической лояльности в отношении казачества; 4) благожелательная реакция казаков и налаживание сотрудничества с властями.

Вместе с тем, подчеркнём, поставленные большевистским руководством цели и ожидаемые им результаты от политики «лицом к казачеству» оказались в значительной мере противоположны тем итогам, которые были получены в ходе реализации указанного политического курса. Наряду с ожидаемым распространением и усилением просоветских настроений в станицах и хуторах, на Дону наблюдалось и совершенно нетерпимая для большевиков активизация критики в их адрес со стороны широких слоёв казачества, попытки казаков (в значительной мере успешные в условиях относительной свободы выборов) заполнить органы местного самоуправления отнюдь не коммунистами и представителями их социальной базы в лице бедняков и батраков, а инициативными земледельцами, многие из которых относились к зажиточной верхушке станицы. Одновременно, в казачьих районах обострилась сословная вражда между казаками и иногородними, так как первые расценили политику «лицом к казачеству» как ослабление позиций компартии. Достаточно вспомнить случай с казаками станицы Кочетовской. В 1926 г. казаки станицы Кочетовской поехали на юртовую землю, требовать от «хохлов» (иногородних) аренду за землю (посажённую плату?!), требуя срочной выплаты, начиная с 1919 г., но «хохлы», вместо денег, избili казаков вилами [37, л. 23]. Печальные итоги политики «лицом к деревне» были прогнозируемы, поскольку компартия не собиралась отказываться от безусловной монополии на власть, и её лидеры негативно восприняли последовавший в середине 1920-х гг. относительно незначительный рост самостоятельности и самостоятельности казаков Дона, когда «казак пошёл в советы[,] и у нас спрашивать не стал» [1, с. 472].

Профессор А.В. Баранов предложил уточнить «датировку политики «лицом к казачеству». Полагаем, она началась осенью 1924 г. (с докладной записки Н.И. Бухарина, Г.Я. Сокольниковой и др.), т.е., с осени 1924 по начало 1927 г. (до арестов и расстрелов в связи с «военной тревогой»). Против такого уточнения мы, в общем-то, не возражаем. Действительно, Москва поднимает вопрос

осенью 1924 г., но в казачьих регионах проблема поднимается только в марте 1925 г. Ключевым же становится апрельский пленум ЦК РКП(б) 1925 г., что весьма профессионально в своё время доказано Я.А. Переховым [38]. Также размыт вопрос о затухании этой политики. Видимо, лучше говорить весна 1927 года, поскольку 1 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) выпустил обращение «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором сообщил о возникшей угрозе империалистического вторжения. После чего о каких-либо либеральных послаблениях уже говорить не приходилось.

Более долговременной, нежели политика «лицом к казачеству» оказалась **кампания «за советское казачество»** – это исторический период в годы советской власти (1935–1941 гг.), когда правящая партия большевиков и органы советской власти на основе публичного признания ими коренного изменения социального поведения казаков и полного их перехода на сторону советской власти объявили казачество советским. Это признание, в том числе, вылилось в создание казачьих территориальных воинских частей, развёртывание военной подготовки казачьей молодёжи (в частности, с поддержкой властями клубов «ворошиловских кавалеристов»), проведение массовых мероприятий с участием казаков (обязательно в традиционном казачьем костюме), проявление повышенного внимания к развитию казачьей культуры. Устойчивыми в повседневном общении и на официальном уровне стали такие словосочетания: «советские казаки», «казаки-колхозники», «казачьи колхозы». В казачьих областях произошло частичное показачивание иногороднего населения.

Кампания «за советское казачество» зачастую понимается утилитарно, когда обычно говорят и пишут о возобновлении существования казачьих кавалерийских частей и отмене ограничений для казаков на службу в РККА, которых, как это не удивительно звучит, не вводилось. Подчеркнём, в кампании «за советское казачество», которую мы рассматривали в своей докторской диссертации [2], наличествует целый спектр разнообразных сюжетов: деятельность казачьих колхозов, социалистическое соревнование между казачьими регионами, движение «ворошиловских кавалеристов, повышенное внимание к казачьей культуре (функционирование театра казачьей молодёжи в станице Вёшенской), конные переходы, массовые казачьи праздники, посвящение региональных и московских большевиков в казаки, и многое другое. Главная публичная констатация социально-политической кампании «за советское казачество» гласит так: казаки окончательно перешли на сторону советской власти, казачество теперь стало советским «по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству». Теперь «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа» [39]. Кроме того, не стоит забывать и о том, жизнь простого казака действительно становится лучше во второй половине 1930-х гг. В активную повседневную деятельность входят поколения казаков, воспитанных и рождённых при советской власти, поэтому эта часть казачьего сообщества с большим удовлетворением встретила кампанию «за советское казачество».

С началом Великой Отечественной войны появляется особая группа казаков, получившая название **казаки-коллаборационисты** – это социальная группа казачества, дополненная иногородними и казаками-эмигрантами, открыто перешедшая

на сторону фашистского политического режима в результате оккупации территорий казачьих регионов Юга России фашистской Германией и её сателлитами, принявшая на себя добровольно обязанности военно-полицейской и иной службы преимущественно на возмездной основе, выполнявшая задания немецкого командования и рассчитывавшая на лояльное отношение германских завоевателей к автономии казачества. Казаки-коллорационисты, при всех возможных различиях в их жизненных траекториях, запятнали себя участием в преступных деяниях нацистского оккупационного режима и фашистской администрации, а так же, как правило, понесли за них законное наказание.

Вначале эту дефиницию мы хотели включить в третью группу понятий, подверженных политической конъюнктуре, но заметно усиливающаяся в современной историографии тенденция достаточно взвешенного подхода к коллаборационизму подтолкнула нас к другому варианту. Прежде всего, следует подчеркнуть, что эта группа казачества довольно сильно пополнялась в годы фашистской оккупации иногородними. В ней также смешивались различные группы казачества: донское, кубанское, терское и др. Казаки-коллорационисты при установлении их общей численности нередко считались и считаются исследователями вместе со своими семьями. В этой группе при формировании частей вермахта интегрировались казаки, прожившие два десятилетия в условиях господства советской власти и казаки-эмигранты, соединялись идейные противники большевиков и рядовые обыватели. К тому же общая численность казаков-коллорационистов не идёт ни в какое сравнение с казаками, вставшими на защиту своего Отечества и добровольно вступившими в ряды РККА, более 500 тыс. только донских казаков. Максимальное количество казаков-коллорационистов оценивается не более 100 тыс. человек. В среде казачьей эмиграции фигурирует другая цифра в 250–300 тыс. человек, и российских исследователей казаки русского зарубежья прямо обвиняют в недостаточном внимании к проблеме казачьего коллаборационизма и в недооценке количественных параметров этой группы казачества. Дополнение о запятнанной чести и законном наказании казаков-коллорационистов внесено в определение данного понятия по предложению профессора Кубанского государственного университета А.В. Баранова.

С развёртыванием коллективизации сельского хозяйства появляется в казачьих регионах, ранее не характерное для казачьих регионов, понятие **«казаки-колхозники»** – это казаки, вступившие в колхозы, признававшие советской властью своими сторонниками, сохранявшие в быту и в общественном пространстве в дозволенной властями форме казачьи традиции. Исторически понятие активно использовалось в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг.

Понятие «казаки-колхозники», как мы доказываем в своих работах, получило широкое распространение в 1930-е гг. и имело хождение в быденной практике до середины 1950-х гг. Оно исчезает в связи с постановкой целей и задач коммунистического строительства, когда дробление советского общества на подобные группы стало признаваться не целесообразным и не нужным в стройных рядах строителей коммунизма. Однако следует отличать официальное общественное пространство и историческую повседневность станичников, где в казачьей среде хорошо помнили, кто и при каких обстоятельствах вступал в местный колхоз, кто в станице или хуторе считался «кулаком», а кто был «кулацким подпевалой».

Итак, мы представили все дефиниции, которые рассматривались на трёх заседаниях научного семинара «Казачество и казаковедение в современной России:

южный регион», проходивших в ЮНЦ РАН, несомненно, ставших историографическим фактом, и обсуждавшиеся на них понятия о казачестве ныне могут выступать исходным контентом для историков-казаковедов в их исследовательском творчестве, в том числе для дискуссий. Тем самым данный историографический факт одновременно выступает историографическим источником, наряду с проанализированными в нашей статье материалами Донского казаковедческого научного семинара. Оба рассмотренных научных семинара раскрывают процесс приращивания исторических знаний, позволяющий определить базовые историографические тенденции в современном российском казаковедении. Мы получили совокупность толкований многих актуальных проблем исторического казаковедения, как в плане привлечения конкретно-исторических массивов данных, так и вариантов их осмысления.

Эффективность форм профессиональной межличностной коммуникации, в том числе, научных семинаров, зависит от способностей их организаторов привлечь исследователей к общению в определённом историографическом направлении, и это подтверждает наш опыт проведения научной конференции «Российская государственность в судьбах народов Кавказа» в Пятигорском государственном университете, где много лет мы являемся модераторами вместе с профессором Юрием Юрьевичем Клычниковым и где, несмотря на региональный статус, уже прошло 13 памятных встреч с развёрнутыми дискуссиями, с апробациями диссертаций, монографий, рейтинговых статей, с изданием итоговых сборников с обширными материалами. Другое дело, что научный семинар при правильной его организации по определению способен обеспечить обстоятельную дискуссию по заданной проблеме для относительно узкого профессионального исторического сообщества, каким в нашем случае выступают историки-казаковеды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Панкова-Козочкина Т.В.* Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность. Дис... докт. ист. наук: 07.00.02. Новочеркасск, 2016. 617 с.
2. *Скорик А.П.* Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Дис... докт. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2009. 540 с.
3. *Krinko E., Skorik A., Shadrina A.* The Don and Kuban Regions During Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921–1922 and 1932–1933 // *Nationalities Papers*. 2020. Т. 48. № 3. С. 569–584.
4. *Скорик А.П., Бондарев В.А., Матишов Г.Г.* Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27, № 5. С. 219–236.
5. *Рвачёва О.В.* Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х-начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ. Дис... докт. ист. наук: 5.6.1. Волгоград, 2022. 582 с.
6. *Лысенко Н.Н.* Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. 636 с.
7. *Сень Д.В.* Научные реконструкции биографии Степана Разина: достижения, проблемы, перспективы // *Славяноведение*. 2022. № 4. С. 67–81.
8. *Мауль В.Я.* «Измена во имя царя»: полковник И.Н. Дзиньковский и Разинский бунт // *Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты*. Белгород, 2022. Вып. 7. С. 167–172.
9. *Дюкарев А.В.* Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани: на материалах родословной атамана В.Г. Науменко. Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Армавир, 2017. 211 с.
10. *Сень Д.В.* О перспективах Донского казаковедческого научного семинара: «ДКНС сегодня: от идеи – к концепции» // URL: <https://dzen.ru/video/watch/660a9cd3ae5b393530dbce77> (Дата обращения: 18.04.2024).

11. Комсомольская правда. 2002. 1 марта.
12. Лукичёв П.Н., Скорик А.П. Лингвокультурная дихотомия «право» – «лево» в социальной терминологии индоевропейцев // Социологические исследования (Социс). 2011. № 9. С. 131–140.
13. Интервью атамана Всевеликого Войска Донского, командующего казачьей национальной гвардией Козицына Николая Ивановича к казакам 23 декабря 2023 г. // URL: <https://rutube.ru/video/71a60fe7c8a493dbb120b6fd07a4f82f/> (Дата обращения: 19.04.2024).
14. Козлов А.И. Рязеные: Возрождение казачества: мифы и реальность // Родина. 2004. № 11. С. 11–14.
15. Маркедонов С.М. Феномен российского неказачества // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы: Сборник статей по материалам науч.-практ. конф., 30 мая 2001 г. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2001. С. 106–119.
16. Лукичёв П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность // Политические исследования (Полис). 1994. № 5. С. 139–142.
17. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск: Лик, 2016. 420 с.: ил.
18. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 574 с.
19. Федина И.М. Исторические формы поселений и поселенческий уклад казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII – начале XX веков. Дис... докт. ист. наук: 5.6.1. Краснодар, 2023. 595 с.
20. Скорик А.П. Атаманы и казаки Константиновского юрта в постсоветской России. М.: Древлехранилище, 2019. 224 с.
21. Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио. 2006. № 1 (32). С. 167–176.
22. Водолацкий В.П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение: Автореф. дис... докт. социол. наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону, 2011. 49 с.
23. Скорик А.П. Первый Донской округ: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2012. 520 с.
24. Болдырев И.М. Институционализация казачьей элиты: на примере войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское». Автореф. дис... канд. политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2013. 21 с.
25. Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект). Автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2003. 23 с.
26. Скорик А.П. Казакия: постулаты, власть, практика // История государства и права. 2015. № 6. С. 58–64.
27. Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) «Об отношении к казакам» 24 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176–178.
28. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое (The New Past). 2018. № 1. С. 275–290.
29. Пеньковский Д.Д. Репрессии Советской власти против казачества в ходе и после Гражданской войны в России (1918–1937 гг.) // Вестник Национального института бизнеса. 2018. № 32. С. 159–164.
30. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1998. № 3. С. 3–12.
31. Строило И.С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. С. 55–65.
32. Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к... : [Совершенно секретно]. [Б. м.]: [Б. и.], 1921–1922. 21 см. 1-му декабря 1921 г.: 1-му декабря 1921 г.: За октябрь и ноябрь 1921 г. [19--]. 27 с.
33. Грищенко А.Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920–1922 годах. Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2009. 229 с.
34. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920-е – 1960-е гг.). Дис... докт. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2017. 533 с.
35. Скорик А.П. Качели судьбы донского казака-репатрианта Утишева: опыт исторической биографии // Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XI. Материалы региональной науч.-практ. конф. Пятигорск, 26 апреля 2019 г. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 276–303.
36. Скорик А.П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 102–113.
37. Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 174.

38. *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 137 с.
 39. Советские казаки // Правда. 1936. 18 февраля.

REFERENCES:

1. *Pankova-Kozochkina T.V.* Kazaki i krest'yane Yuga Rossii v 1920-h godah: social'no-politicheskaya zhizn' i hozyajstvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost'. Dis... dokt. ist. nauk [Cossacks and peasants of Southern Russia in the 1920s: socio-political life and economic activity. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Novocherkassk, 2016. 617 p.
2. *Skorik A.P.* Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovanij. Dis... dokt. ist. nauk [Cossacks of the South of Russia in the 30s of the twentieth century: historical collisions and experience of transformations. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Stavropol, 2009. 540 p.
3. *Krinko E., Skorik A., Shadrina A.* The Don and Kuban Regions During Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921-1922 and 1932-1933 // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48. No. 3. pp. 569-584.
4. *Skorik A.P., Bondarev V.A., Matishov G.G.* Kazachestvo Yuga Rossii v sovetskuyu epohu: problemy i perspektivy nauchnogo issledovaniya [The Cossacks of Southern Russia in the Soviet era: problems and prospects of scientific research] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations]. 2022. Vol. 27, No. 5. pp. 219-236.
5. *Rvacheva O.V.* Vozrozhdenie kazachestva na yuge Rossii v sovetskij period (seredina 1920-h-nachalo 1940-h gg.) i v postsovetskij period (1990-e – 2000-e gg.): istoriko-sravnitel'nyj analiz. Dis... dokt. ist. nauk [The revival of the Cossacks in southern Russia during the Soviet period (mid-1920s-early 1940s) and in the post-Soviet period (1990s – 2000s): historical and comparative analysis. Dissertation of the Doctor of Historical Science]: 5.6.1. Volgograd, 2022. 582 p.
6. *Lysenko N.N.* Genocid kazakov v Sovetskoj Rossii i SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya [The genocide of the Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918-1933. The experience of ethnopolitical research]. Rostov-on-Don: Altair, 2017. 636 p.
7. *Sen D.V.* Nauchnye rekonstrukcii biografii Stepana Razina: dostizheniya, problemy, perspektivy [Scientific reconstructions of Stepan Razin's biography: achievements, problems, prospects] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2022. No. 4. pp. 67-81.
8. *Maul V.Ya.* «Izmena vo imya carya»: polkovnik I.N. Dzin'kovskij i Razinskij bunt [“Treason in the name of the tsar”: Colonel I.N. Dzinkovsky and the Razinsky revolt] // Belgorodskaya cherta: Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitel'noj cherty [Belgorod line: A collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line]. Belgorod, 2022. Issue 7. pp. 167-172.
9. *Dyukarev A.V.* Kazach'i genealogii v istoriko-kul'turnom kontekste Kubani: na materialah rodoslovnoj atamana V.G. Naumenko. Dis... kand. ist. nauk [Cossack genealogies in the historical and cultural context of Kuban: based on the pedigree of Ataman V.G. Naumenko. PhD in Historical Sciences]: 07.00.02. Armavir, 2017. 211 p.
10. *Sen. D.V.* O perspektivah Donskogo kazakovedcheskogo nauchnogo seminara: «DKNS segodnya: ot idei – k koncepcii» [About the prospects of the Don Cossack Studies scientific seminar: “DKNS today: from idea to concept”] // URL: <https://dzen.ru/video/watch/660a9cd3ae5b393530dbce77> (Date of reference: 04/18/2024).
11. Komsomolskaya Pravda. 2002. March 1st.
12. *Lukichev P.N., Skorik A.P.* Lingvokul'turnaya dihotomiya «pravo» – «levo» v social'noj terminologii indoevropejcev [The linguocultural dichotomy “right” – “left” in the social terminology of the Indo-Europeans] // Sociologicheskie issledovaniya (Socis) [Sociological Research (Socis)]. 2011. No. 9. pp. 131-140.
13. Interv'yu atamana Vsevelikogo Vojska Donskogo, komanduyushchego kazach'ej nacional'noj gvardiej Kozitsyna Nikolaya Ivanovicha k kazakam 23 dekabrya 2023 g. [Interview of Nikolai Ivanovich Kozitsyn, ataman of the All-Great Don Army, commander of the Cossack National Guard, to the Cossacks on December 23, 2023] // URL: <https://rutube.ru/video/71a60fe7c8a493dbb120b6fd07a4f82f/> (Date of reference: 04/19/2024).
14. *Kozlov A.I.* Ryazhenye: Vozrozhdenie kazachestva: mify i real'nost' [Mummers: The Renaissance of the Cossacks: myths and reality] // Rodina [Homeland]. 2004. No. 11. pp. 11-14.
15. *Markedonov S.M.* Fenomen rossijskogo neokazachestva [The phenomenon of Russian neocasticism] // Social'no-politicheskaya situaciya na Kavkaze: istoriya, sovremennoost', perspektivy: Sbornik statej po materialam nauch.-prakt. konf., 30 maya 2001 g. [Socio-political situation in the Caucasus: history, modernity, prospects: Collection of articles based on the materials of the Scientific and Practical conference, May 30, 2001]. Moscow: Institute of Political and Military Analysis, 2001. pp. 106-119.

16. *Lukichev P.N., Skorik A.P.* Kvazigosudarstvennost' [Quasi-statehood] // Politicheskie issledovaniya (Polis) [Political Studies (Polis)]. 1994. No. 5. pp. 139-142.
17. *Skorik A.P., Fedina I.M.* Kubanskij hutor: fazy i povsednevnost' topohronnoj evolyucii (konec XVIII – pervaya tret' XX vv.) [Kubansky khutor: phases and everyday life of topochronic evolution (late XVIII – first third of XX centuries)]. Novocherkassk: Lik, 2016. 420 p.: ill.
18. *Milov L.V.* Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 574 p.
19. *Fedina I.M.* Istoricheskie formy poselenij i poselencheskij uklad kazakov-pereselencev na Kuban' v konce XVIII – nachale XX vekov. Dis... dokt. ist. nauk [Historical forms of settlements and the settlement pattern of the Cossacks who migrated to the Kuban in the late XVIII – early XX centuries. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 5.6.1. Krasnodar, 2023. 595 p.
20. *Skorik A.P.* Atamany i kazaki Konstantinovskogo yurta v postsovetskoj Rossii [Atamans and Cossacks of the Konstantinovskiy yurt in post-Soviet Russia]. Moscow: Drevlekhranishche, 2019. 224 p.
21. *Skorik A.P.* Kazach'ya korporaciya na Donu kak sovremennyy social'nyj proekt [Cossack corporation on the Don as a modern social project] // Klio [Klio]. 2006. No. 1 (32). pp. 167-176.
22. *Vodolatsky V.P.* Kazachestvo v sovremennom obshchestve: sociologicheskoe izmerenie: Avtoref. dis... dokt. sociolog. nauk [Cossacks in modern society: a sociological dimension: Abstract of the dissertation... doct. Social Sciences]: 22.00.04. Rostov-on-Don, 2011. 49 p.
23. *Skorik A.P.* Pervyj Donskoj okrug: opyt istoricheskoy rekonstrukcii [The First Don district: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk: Lik, 2012. 520 p.
24. *Boldyrev I.M.* Institucionalizaciya kazach'ej elity: na primere vojskovogo kazach'ego obshchestva «Vsevelikoe vojsko Donskoe». Avtoref. dis... kand. politicheskikh nauk [Institutionalization of the Cossack elite: on the example of the military Cossack society "The Great Army of the Don". Abstract of the dissertation.. Candidate of Political Sciences]: 23.00.02. Rostov-on-Don, 2013. 21 p.
25. *Ozerov A.A.* Vozrozhdenie kazachestva: idei i social'naya praktika (social'no-filosofskij aspekt). Avtoref. dis... kand. filos. nauk [The revival of the Cossacks: ideas and social practice (socio-philosophical aspect). Abstract of the dissertation.. PhD in Philology. Sciences]: 09.00.11. Rostov-on-Don, 2003. 23 p.
26. *Skorik A.P.* Kazakiya: postulaty, vlast', praktika [Cossacks state: postulates, power, practice] // Istoriya gosudarstva i prava [History of the State and law]. 2015. No. 6. pp. 58-64.
27. Cirkulyarnoe pis'mo Orgbyuro CK RKP (b) «Ob otnoshenii k kazakam» 24 yanvarya 1919 g. [Circular letter of the Organizational Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) "On the attitude towards the Cossacks" on January 24, 1919] // Izvestiya CK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU]. 1989. No. 6. pp. 176-178.
28. *Venkov A.V.* Genocid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazackogo naroda» [Genocide, Holodomor and other horrors in the history of the "Cossack people"] // Novoe proshloe [The New Past]. 2018. No. 1. pp. 275-290.
29. *Penkovsky D.D.* Repressii Sovetskoj vlasti protiv kazachestva v hode i posle Grazhdanskoj vojny v Rossii (1918–1937 gg.) [Repressions of the Soviet government against the Cossacks during and after the Civil War in Russia (1918-1937)] // Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa [Bulletin of the National Institute of Business]. 2018. No. 32. pp. 159-164.
30. *Chernopitsky P.G.* Povstanchesкое dvizhenie krest'yan i kazakov Dona v 1920–1922 gg. [The insurrectionary movement of peasants and Cossacks of the Don in 1920-1922]. // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki [Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences]. Rostov-on-Don, 1998. No. 3. pp. 3-12.
31. *Stroilo I.S.* Povstanchesкое dvizhenie na territorii Severo-Kavkazskogo voennogo okruga [The insurgent movement in the territory of the North Caucasian Military District] // Krasnaya Armiya [Red Army]. 1921. No. 9. pp. 55-65.
32. Kratkij periodicheskij obzor povstanchesкого dvizheniya na territorii Severo-Kavkazskogo voennogo okruga po dannym k... [A brief periodic review of the insurgent movement in the territory of the North Caucasian Military District according to ...]: [Top secret]. [w.p.]: [w.p.h.], 1921-1922. 21 see December 1, 1921: December 1, 1921: For October and November 1921 [19--]. 27 p.
33. *Grishchenko A.N.* Antibol'shevis'tskoe povstanchesкое dvizhenie v Donskoj oblasti v 1920–1922 godah. Dis... kand. ist. nauk [The anti-Bolshevik insurgency in the Don region in 1920-1922. PhD in Historical Sciences]: 07.00.02. Rostov-on-Don, 2009. 229 p.
34. *Ratushnyak O.V.* Kazach'e zarubezh'e kak social'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, social'no-ekonomicheskoy i kul'turnoj zhizni (1920-e – 1960-e gg.). Dis... dokt. ist. nauk

[The Cossack diaspora as a socio-historical phenomenon: education, structure, problems of socio-political, socio-economic and cultural life (1920s – 1960s). Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Krasnodar, 2017. 533 p.

35. *Skorik A.P.* Kacheli sud'by donskogo kazaka-repatrianta Utisheva: opyt istoricheskoy biografii [The swing of fate of the Don Cossack repatriate Utishev: the experience of historical biography] // Rossijskaya gosudarstvennoš' v sud'bah narodov Kavkaza–XI. Materialy regional'noj nauch.-prakt. konf. Pyatigorsk, 26 aprelya 2019 g. [Russian Statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus–XI. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, April 26, 2019] Pyatigorsk: PSU, 2019. pp. 276-303.

36. *Skorik A.P.* Raskazachivanie kak politika i social'nyj process na Donu v 1920-e gody ["Raskazachivanie" as a policy and social process on the Don in the 1920s] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations]. 2019. Vol. 24, No. 4. pp. 102-113.

37. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive]. F. 33987. Op. 3. D. 174.

38. *Perekhov Ya.A.* Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.) [Power and the Cossacks: the search for harmony (1920-1926)]. Rostov-on-Don: Hephaestus, 1997. 137 p.

39. Sovetskie kazaki [The Soviet Cossacks] // Pravda [Truth]. 1936. February 18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 345428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, s_a_p@mail.ru

© Скорик А.П., 2024.